СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

№ 8

1909

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій каналъ, д. № 45.
1910.

Книги, полученныя Редакціей.

(Декабрь).

В. А. Францевъ. Къ біографіи В. А. Мацѣевскаго. I. Habent sua fata libelli. II. Изъ переписки В. А. Мацѣевскаго. Варшава 1909.

Его-же. А. В. Кольцовъ въ чешской литературѣ—юбилейная замѣтка. Варшава 1909.

Его-же. Изъ переписки гр. Н. П. Румянцева. Матеріалы для исторіи славянской филологіи. Варшава 1909.

А. Петровъ. Матеріалы по исторіи Угорской Руси. VI, 2. Предѣлы Угорской рѣчи въ 1773 г. по оффиціальнымъ даннымъ. Карты. Спб. 1909.

Е. де-Витте. Пангерманизмъ. Почаевъ 1909.

Ея-же. Политическая преступность. Почаевъ 1909.

Ея-же. Дѣйствительность. Вып. 9. Угро-хорватскія отношенія съ 1102 г. и хорвато-габсбургскія съ 1527 г. Почаевъ 1909.

Anthropophyteia. Jahrbücher für folkloristische Erhebungen und Forschungen zur Entwicklunggeschichte der geschlechtlichen Moral. Herausgegeben von Dr. Friedrich S. Krauss. Bd. VI. Leipzig 1909.

Изданія Чешской Академіи Наукъ.

Bibliografie České Historie. Díl 4, sv. 2 a 3. Sestavil dr. Čeněk Zíbrt.

Rukověť k písemnictví humanistickému, zvláště básnickému v Čechách a na Moravě ve století XVI. Sestavil Ant. Truhlář. I svazek.

Staročeské skladby dramatické původu liturgického. Vydává Jan Máchal.

Hláskosloví nářečí jihočeských. III část. O změnách slabičných a o kvantitě. Podává Vavr. Jos. Dušek.

Popis a rozbor nářečí středobečevského. Podává Dr. Ant. Kašík.

Studie Štítenské. Napsal Dr. St. Souček.

Václava Budovce z Budova korrespondence z let 1579—1619. Shledal a k vydání upravil Julius Glücklich.

Pozůstatky knih zemského práva Knížetství Opavského. Vydává Jan Kapras. Díl II. č. 1. Desky zemské (1431—1536).

Prokopa Písaře Nového Města Pražského „Praxis Cancellariae". K tisku upravil a úvodem opatřil František Mareš.

M. Pavla Židka „Spravovna". Vydal Dr. Zd. T. Tobolka.

Příspěvky k dějinám Soudu Komorního Království Českého z let 1627—1783. Podává Václav Schulz.

Život a působení prvního presidenta a zakladatele České Akademie—Josefa Hlávky s přehledem pokroku v umění stavitelském za jeho života.

O povinnosti volební. Veřejnoprávní studie. Napsal Emil Spira.

СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

№ 8 — 1909 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій каналъ, д. № 45.
1910.

Изъ исторіи Адріанопольскаго трактата.

Закулисная исторія тѣхъ моментовъ нашего политическаго восхода, когда русское имя пріобрѣтало ту ширь, которою мы живемъ, еще не написана. Наряду съ офиціальнымъ текстомъ международныхъ договоровъ, за мертвой и мертвящей буквой конференціальныхъ протоколовъ слѣдуетъ искать богатыхъ залежей кристализовавшагося въ нихъ духа прошлаго, и въ этихъ залежахъ кроется нерѣдко самое цѣнное.

Не даромъ историкъ царствованія Николая Павловича говоритъ, что „если со временемъ появится въ печати обширная собственноручная переписка Императора Николая I, прервавшаяся только за нѣсколько дней до кончины Государя и обнимающая собою всѣ политическіе и военные вопросы того времени, то это будетъ лучшимъ памятникомъ, воздвигнутымъ этому Державному Вождю Россіи“ *).

Эта мысль можетъ быть расширена въ томъ смыслѣ, что все значеніе и цѣнность личной иниціативы этого Государя, иногда такъ чутко угадывавшаго духъ народной исторіи, можетъ быть вполнѣ выяснено и освѣщено лишь тогда, когда увидятъ свѣтъ тѣ мысли и запросы современниковъ, которые доходили до него, и на которые онъ отзывался тѣмъ или инымъ своимъ дѣйствіемъ. И вотъ именно въ этой области есть масса неизвѣстныхъ, еще не опубликованныхъ данныхъ. Каждый шагъ въ этомъ направленіи долженъ быть привѣтствованъ нами, какъ цѣнный вкладъ въ исторію нашего государственнаго роста.

Въ послѣдней книжкѣ болгарскаго академическаго изда-

*) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Николай Первый, его жизнь и царствованіе“. Т. II, стр. 640.

нія „Периодическо Списание“ появился цѣнный документъ, представляющійся намъ именно такимъ вкладомъ *).

Болгарскій ученый, впервые опубликовавшій этотъ документъ г. Д. Иоцовъ сообщаетъ, что онъ въ послѣднее время получилъ отъ семьи покойнаго графа Н. П. Игнатьева право пересмотрѣть архивъ почившаго государственнаго дѣятеля и снять копіи съ нѣкоторыхъ документовъ историческаго значенія.

Авторъ натолкнулся въ этомъ архивѣ на замѣчательную записку, озаглавленную такимъ образомъ: „Обозрѣніе главнѣйшихъ сношеній России съ Турціею и началъ, на коихъ долженствуютъ оныя быть установлены на будущее время“. По свѣдѣніямъ г. Иоцова, эта записка была представлена Императору Николаю I въ 1829 г. изъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Со временемъ, конечно, въ точности будетъ выяснено, чья рука тутъ была въ полномъ смыслѣ авторской; но пока сообщимъ на справку, что управляющимъ министерствомъ и вице-канцлеромъ былъ съ 24-го марта 1828 года графъ Нессельроде, назначенный впослѣдствіи (въ 1845 году) Государственнымъ Канцлеромъ. Значеніе упомянутой здѣсь записки обусловлено именно тѣмъ обстоятельствомъ, что она была подана Государю въ то время, когда министерство занято было составленіемъ проекта того мирнаго договора съ Турціею, который сталъ Адріанопольскимъ трактатомъ. И несомнѣнно, эта записка возымѣла значеніе при начертаніи Высочайше утвержденныхъ постановленій для нашихъ уполномоченныхъ къ мирнымъ переговорамъ. Эти постановленія были доставлены графу Дибичу въ апрѣлѣ 1829 года.

При семъ слѣдуетъ текстъ записки, разысканной г. Иоцовымъ, снабженный при этомъ нашими примѣчаніями.

* * *

„Несмотря на великодушныя усилія Государя Императора, говорится въ упомянутой запискѣ, миръ съ Турціею не могъ быть удержанъ. Всѣ прежнія связи съ сею держа-

---

*) „Периодическо Списание на Българското Книжовно Дружество въ София“, LXX, 5—6 свезка—1909. Національный институтъ, издающій эти записки, находится въ Софіи, но книжка издана въ Пловдивѣ.

вою, мирные договоры, конвенціи *) нынѣ уже не существуютъ. Когда Богъ, подобающій правдѣ, даруетъ вѣнецъ побѣды Его Величеству, когда Султанъ Махмудъ **),—непреклонный врагъ Россіи,—смирится или погибнетъ: тогда нужно будетъ устроить общую систему сношенія нашихъ съ турками на основаніяхъ болѣе прочныхъ, болѣе удовлетворительныхъ и ясныхъ, нежели при заключеніи послѣдняго мира въ 1812-мъ году ***).

Для сего надлежитъ предварительно обозрѣть отношенія Россіи къ Турціи, пограничныя, торговыя и политическія, сообразить взаимныя нужды и выгоды, уважить расположеніе одного народа къ другому, ихъ мнѣнія и предразсудки, наконецъ, опредѣливъ все, что для насъ необходимо нынѣ, предвидѣть по возможности и то, что могло быть полезно Россіи при тѣхъ потрясеніяхъ и перемѣнахъ, коими отоманское владычество угрожаетъ въ Европѣ.

Если дозволено судить о будущемъ по примѣрамъ минувшаго и предугадывать происшествія по мѣстнымъ обстоятельствамъ, по характеру и положенію людей первенствующихъ, то должно полагать, что турецкое правительство не прежде будетъ просить искренно мира, какъ у воротъ Адріанополя ****).

---

*) Разумѣется, это внѣдоговорное отношеніе Россіи и Турціи продолжалось недолго. Въ концѣ того же 1829 года война закончилась адріанопольскимъ трактатомъ 2-го сентября, въ коемъ статья XV гласитъ слѣдующее: „Всѣ договоры, конвенціи и постановленія, состоявшіеся и заключенные въ разныя времена между Императорскимъ Россійскимъ Дворомъ и Блистательною Портою Оттоманскою, за исключеніемъ статей, отмѣненныхъ настоящимъ мирнымъ договоромъ, подтверждаются во всей своей силѣ и пространствѣ, и обѣ высокія договоривающіяся стороны обязуются хранить оныя свято и ненарушимо".

**) Султанъ Махмудъ, сынъ Абдулъ-Гамида I, родился въ 1785 году, вступилъ на престолъ въ 1808 году; велъ противъ Россіи двѣ войны (1806—12 гг. и 1827—29 гг.); знаменитъ тѣмъ, что вступилъ въ борьбу съ янычарами (1826 г.) и совершилъ попытку усиленія султанской власти черезъ внутреннія реформы. Умеръ въ 1839 г.

***) Въ 1812 году (16-го мая) былъ заключенъ мирный трактатъ въ Букарестѣ, послѣ шести-лѣтней войны съ Турціей. Этотъ трактатъ замѣчателенъ тѣмъ, что черезъ него Россія пріобрѣла Бессарабію и право военнаго судоходства по нижнему теченію рѣки Дуная съ Килійскаго устья до Прута, а сербамъ дана нѣкоторая автономія.

****) Не лишено интереса отмѣтить здѣсь, какой былъ горизонтъ военныхъ дѣйствій, когда составлялась эта записка. 9-го февраля 1829 года со-

Причины, на коихъ основано сіе мнѣніе, не принадлежатъ къ настоящему разсужденію: онѣ тѣсно связаны съ тѣми побужденіями и видами, коими Султанъ Махмудъ руководствовался съ самаго вступленія своего на престолъ, и коимъ возстаніе грековъ и всѣ послѣдовавшія обстоятельства дали только новое направленіе, не измѣняя существа ихъ. Въ сихъ побужденіяхъ и видахъ, хотя и независимыхъ отъ внѣшней политики оттоманской, надлежитъ искать причинъ нынѣшняго разрыва со стороны турковъ и начатія съ такимъ... *) войны, которую Султанъ во всякое иное время старался бы отвратить всѣми возможными средствами, но которая нынѣ есть для него забота второстепенная.

По переходѣ россійскихъ войскъ за Балканскія горы и до самаго Адріанополя миръ будетъ заключенъ, вѣроятно, еще съ царствующимъ Султаномъ. Но дальше нѣтъ уже безопасности ни для его особы, ни для его дома,—быть можетъ, ни для существованія оттоманской имперіи въ Европѣ. Въ случаѣ продолжительнаго съ его стороны упорства, будущее представляется наблюдателю во множествѣ различныхъ видовъ: даже при совершенномъ знаніи дѣлъ турецкихъ, едва ли можно съ точностью предсказать, что будетъ послѣдствіемъ столь отчаяннаго для мусульманъ положенія, когда всѣ древніе обычаи потрясены, древнее устройство ниспровергнуто и нравственная связь государя съ его подданными расторгнута неразумными мѣрами Султана Махмуда **). Мудрой политикѣ Его Императорскаго Величества

стоялся Высочайшій приказъ о замѣнѣ колеблющагося графа Витгенштейна—графомъ Дибичемъ на постъ главнокомандующаго, вмѣстѣ съ начертаніемъ предстоящаго перехода черезъ Балканы. Записка писалась такимъ образомъ въ моментъ напряженнаго ожиданія большей стремительности въ дальнѣйшемъ направленіи войны. Эти ожиданія вскорѣ оправдались. 30-го мая Дибичъ одержалъ блестящую побѣду надъ великимъ визиремъ при Кулевчѣ. Съ 5-го іюля начался переходъ русской арміи черезъ Балканы, а 8-го августа сдался Адріаноподь.

*) Очевидно, въ копіи, по которой опубликована записка, пропущено было какое-то слово; можетъ быть, слѣдуетъ читать: „съ такимъ азартомъ".

**) Махмудъ носился съ планами реформъ въ духѣ западно-европейской цивилизаціи, и, дѣйствительно, было время, когда онъ вызвалъ среди своихъ подданныхъ всеобщій ропотъ, не говоря уже о томъ, что на его долю выпало греческое возстаніе, а въ 1883 году—возстаніе египетскаго паши. Любопытно, что мать Махмуда была француженка.

предлежитъ обнять таковыя возможныя событія въ ихъ главнѣйшихъ видахъ, заблаговременно разрѣшить возникающіе изъ каждаго случая вопросы и постановить тѣ основанія, на коихъ должны быть утверждены будущія наши сношенія съ Турціею.

Какими бы глазами державы европейскія ни смотрѣли на борьбу слабой, разстроенной Турціи съ могущественною Россіею, всякъ, имѣющій здравое понятіе о первой, скажетъ утвердительно, что, — не взирая на превратности военнаго счастія, конечная участь ея въ Европѣ зависитъ отъ воли Его Императорскаго Величества. Слѣдовательно, если бы выгоды Россіи требовали ниспроверженія оттоманскаго престола, оставалось бы только исчислить средства, коими удобнѣе можно достигнуть сей цѣли. Но подлинно ли было бы намъ оное полезно?—есть вопросъ важнѣйшій, коего разрѣшеніе долженствуетъ предшествовать всякимъ разсужденіямъ относительно къ сей державѣ.

Первыя сношенія государей нашихъ съ султанами были дружелюбны, несмотря на различіе вѣръ, ибо мы домогались тогда въ столицѣ оттоманской обузданія крымскихъ хищниковъ, а турки видѣли въ насъ природныхъ непріятелей Польши. Но покореніе Казани и Астрахани скоро перемѣнило ихъ расположеніе къ Россіи: они начали при всякомъ случаѣ вредить усиливающемуся—опасному сосѣду, не вступая однако же съ нимъ въ войну. Открытая вражда между обоими народами родилась при Петрѣ Великомъ и, непрестанно возрастая, достигла высочайшей степени при Екатеринѣ II, когда нанесены рѣшительные удары могуществу оттоманскому, и когда вліяніе Россіи распространено болѣе или менѣе на всѣ христіанскія племена, подвластныя Портѣ *).

---

*) Очевидно, здѣсь имѣется въ виду знаменитая статья 7-я кючюкъ-кайнарджійскаго трактата 10-го іюля 1774 года, которая гласила: „Блистательная Порта обѣщаетъ твердую защиту христіанскому закону и церквамъ онаго, равнымъ образомъ дозволяетъ министрамъ Россійскаго Императорскаго Двора дѣлать по всѣмъ обстоятельствамъ, въ пользу какъ воздвигнутой въ Константинополѣ упомянутой въ 14-мъ артикулѣ церкви, такъ и служащимъ оной, разныя представленія и обѣщаетъ принимать оныя въ уваженіе, яко чинимыя довѣренною особою сосѣдственной и искренно-дружественной державы“.— Сюда же относятся статьи: 14, 16, 17 и 23 того же трактата, на коихъ обосновался тогда религіозный протекторатъ Россіи на Ближнемъ Востокѣ.

Сія вражда мало примѣтна въ побѣдителяхъ, какъ тому и быть должно;—побѣжденные живо и ежечасно ее чувствуютъ. Она укоренила между ними мнѣніе (внушенное нѣкоторыми европейскими дворами передъ войною 1768 г.), будто бы Петръ I завѣщалъ наслѣдникамъ своимъ разрушеніе оттоманской имперіи и будто бы съ тѣхъ поръ всѣ дѣйствія Двора Россійскаго постоянно клонятся къ сей цѣли.

Въ послѣдніе годы минувшаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, виды нашей политики измѣнились. Съ турками былъ заключенъ союзъ, по наружности, самый дружественный и тѣсный: флаги россійскій и турецкій вѣяли вмѣстѣ среди острововъ Іоническихъ *). Но симъ не было и не могло быть побѣждено народное чувство. Въ то самое время, когда Россія употребляла всѣ усилія для возвращенія Портѣ захваченнаго французами Египта, турецкіе воины изъявляли ненависть свою къ симъ хищникамъ, называя ихъ москвами: и само правительство, при появленіи въ Босфорѣ кораблей друга своего Ушакова, совѣщалось втайнѣ и спѣшило принимать мѣры, какъ бы противъ нападенія непріятельскаго **). Послѣ низверженія Султана Селима ***), турки получили еще болѣе отвращенія къ иновѣрнымъ и особливо къ русскимъ. Неоднократныя усилія покойнаго Государя Императора склонить ихъ къ искренней, тѣсной съ нами

---

*) Союзъ, о которомъ здѣсь упоминается, былъ договоръ между Россіей и Турціей, заключенный 3-го января 1799 года, подъ впечатлѣніемъ похода Бонапарта въ Египетъ. Французы заняли тогда на адріатическомъ побережьѣ и въ водахъ Іонійскаго моря цѣлый рядъ пунктовъ (Бутринто, Парга, Превеза, Вуица, Корфу и всѣ прочіе іонійскіе острова); тогда турки прибѣгли къ содѣйствію Россіи и разрѣшили, упомянутымъ соглашеніемъ, свободный проходъ русской эскадры черезъ проливы—Босфоръ и Дарданеллы, съ тѣмъ, что предполагались совмѣстныя военныя операціи турокъ и русскихъ противъ французовъ.

**) Вице-адмиралъ Ушаковъ прошелъ Босфоръ съ русской эскадрой, по приказанію Императора Павла I, и бросилъ якорь въ Буюкъ-Дере 5-го сентября 1798 года. Вслѣдъ затѣмъ состоялись дипломатическіе переговоры, закончившіеся русско-турецкимъ союзомъ 3-го января 1799 года. Диванъ очень охотно проявилъ уступчивость „другу", лишь бы только ускорить его отплытіе къ албанскимъ берегамъ.

***) Султанъ Селимъ III, дядя султана Махмуда, былъ низвергнутъ въ 1807 году послѣ неудачной своей попытки начать борьбу съ янычарами. Его убили въ 1808 году.

связи остались безуспѣшны. Страхъ удерживалъ ихъ отъ всякихъ непріязненныхъ дѣйствій; но скрытая ихъ къ намъ вражда обнаруживалась во многихъ случаяхъ. — Накопецъ, безумное предпріятіе князя Ипсиланти *) и возстаніе грековъ умножили свыше мѣры недовѣрчивость и злобу турецкаго народа и правительства. Они остались упорно при той мысли, что Россія тайно управляла симъ дѣломъ и отреклась отъ него единственно по изъявленному другими державами несогласію на конечную гибель оттоманской имперіи. По сему, при соображеніи будущихъ отношеній нашихъ къ туркамъ, не должны отнюдь предполагать, чтобы поступки самые миролюбивые и великодушные могли пріобрѣсти намъ искреннюю ихъ дружбу. „Ваши руки омочены по локоть въ крови отцовъ и братьевъ нашихъ: можемъ-ли быть друзьями?“

Такъ говорятъ они и долго еще говорить будутъ; одно лишь чувство собственнаго безсилія и превосходства Россіи заставляло ихъ и впредь заставитъ желать съ нами мира и исполнять тягостныя для нихъ условія онаго. Но слѣдуетъ ли изъ сего,—чтобы истинныя пользы Россіи требовали паденія Турціи? Увидимъ яснѣе, когда разберемъ внимательно главныя отношенія одного государства къ другому—тѣ. на кои, при окончательномъ устройствѣ предлежащихъ дѣлъ, необходимо будетъ обратить особенное вниманіе.

Важнѣйшія неудобства отъ сосѣдства Турціи суть:

1-е. Въ сношеніяхъ пограничныхъ:

а) Всегдашная опасность отъ моровой язвы.

Можно полагать, что улучшеніе карантиновъ по всей границѣ и заведенной вновь карантинной линіи на Дунаѣ въ Молдавіи и Валахіи, уменьшатъ зло до нѣкоторой степени; но при всѣхъ издержкахъ не доставятъ совершенной безопасности. Прибавимъ къ этому необходимыя послѣдствія подобныхъ предосторожностей, стѣсненіе торговли, медленность и затрудненіе во всѣхъ сообщеніяхъ: и мы увѣрились, что съ сей стороны Россія, а равно и другія сосѣдственныя

---

*) Повстанческая попытка греческаго князя Ипсиланти была въ 1821 г. Его, вмѣстѣ съ его отрядомъ добровольцевъ, разбили турки при Драгашанѣ, въ Валахіи; онъ бѣжалъ въ Семиградію, затѣмъ австрійскія власти заточили его въ Мункачѣ.

державы долженствуютъ желать удаленія турокъ изъ Европы.

б) Вредное ихъ вліяніе на горскіе народы, обитающіе между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ старанія нашего правительства ввести между сими полудикими племенами гражданственное образованіе, ослабить ихъ склонность къ набѣгамъ и грабежамъ и положить конецъ гнусному торгу невольниками, не будутъ имѣть желаемаго успѣха, доколѣ восточный берегъ Чернаго моря останется во власти турковъ.

Сіе неудобство весьма важно; но отвратить его не будетъ имъ трудно, не касаясь существованія ихъ имперіи, присоединеніемъ къ Россіи державы Анапы, гнѣзда разбойниковъ, и всего онаго берега отъ Кубани до Батума включительно *).

Тогда вліяніе пашей ахалцыхскаго и трапезунтскаго будетъ ничтожно, и всѣ вредныя намъ сообщенія съ горцами прекратятся.

Что же касается до мелочныхъ ссоръ между обоюдными подданными на границѣ европейской вдоль Прута и по Дунаю, то оныя не могутъ входить въ сіе исчисленіе. Со времени заключенія въ 1817 году особой конвенціи о разграниченіи острововъ дунайскихъ, турки съ сей стороны не подавали намъ повода къ важнымъ жалобамъ **). Надлежитъ только при будущемъ мирѣ распространить и начатое оною конвенціею.

Въ отношеніяхъ торговыхъ:

Препятствія, встрѣчаемыя нашими судами въ плаваніи черезъ Босфоръ. Географическое положеніе южной Россіи предастъ ея торговлю во власть народа, обладающаго устьями Чернаго моря. Турки часто употребляли во зло сію мѣстную

---

*) Анапа окончательно отошла къ Россіи — именно по адріанопольскому миру.

**) Мы видѣли выше, что съ 1812 года Россія владѣла лѣвымъ берегомъ Дуная отъ устьевъ Прута внизъ по теченію (съ городомъ Рени), а затѣмъ лѣвымъ берегомъ сѣвернаго рукава (Килійскаго), съ городами Измаиломъ и Киліею. Такимъ образомъ, Россія, являясь уже наравнѣ съ Турціею прибрежной владѣлицей дунайскихъ низовій, заинтересована была въ конвенціи 1817 года, коими регулированы права, относящіяся къ дунайскимъ островамъ—противъ русскихъ береговъ.

выгоду: и потери, понесенныя отъ ихъ самоуправства въ 1815-мъ, 1821-мъ и 1824-мъ годахъ, вопреки точному смыслу коммерческаго трактата 1783 года, были весьма чувствительны нашему купечеству. Но указывая вредъ, не должно забывать и пользы, какую Россія имѣла въ семъ отношеніи и впредь имѣть можетъ отъ сосѣдства турокъ. Не упражняясь сами въ торговлѣ, они оставляютъ ее въ рукахъ иностранцевъ, стѣсняя между тѣмъ, по невѣжеству и корыстолюбію, промыслы христіанскихъ своихъ подданныхъ. Всѣ возможныя права и преимущества даны европейцамъ, пріѣзжающимъ въ турецкія владѣнія; они устранены отъ вѣдомства и надзора мѣстныхъ начальствъ, не несутъ никакихъ тягостей и въ мирное время живутъ въ совершенной безопасности. Пошлина съ принадлежащихъ имъ товаровъ, привозныхъ и вывозимыхъ, установлена единожды навсегда по три процента, но въ самомъ дѣлѣ понижена существующими тарифами, а особливо нашимъ, на многія статьи даже до одного процента и менѣе. Пользуясь сими и другими выгодами, коихъ нельзя было бы ожидать отъ народа менѣе безпечнаго, наши черноморскіе порты процвѣли, не смотря на неудобства мѣстоположенія, и въ нѣсколько лѣтъ стали на ряду съ знатнѣйшими торговыми городами въ Европѣ.

Что же касается до неоднократнаго нарушенія правъ нашихъ, то примѣры прежнихъ лѣтъ свидѣтельствуютъ, сколь сильны къ обузданію турковъ благоразумная твердость россійскаго посольства и опасеніе неминуемаго съ нами разрыва за каждое таковое — покушеніе. Однимъ словомъ, доколѣ народонаселеніе, внутренняя промышленность и мануфактуры не достигнутъ въ горныхъ областяхъ нашихъ всего возможнаго совершенства, пользы нашей торговли очевидно требуютъ, чтобы Дарданеллы и Босфоръ, если не могутъ быть подъ скипетромъ россійскимъ,—оставались по-прежнему во власти мусульманъ *). Свыше даже обращеніе

*) На зарѣ XIX столѣтія двѣ противоположныя идеи соперничали въ руководствѣ нашей восточной политикой: одна стремилась къ раздѣлу, другая къ сохраненію Оттоманской имперіи. Первую подробно изложилъ графъ Ростопчинъ въ запискѣ, составленной имъ по порученію Императора Павла I, въ 1800 году. Вторую идею обосновалъ и развилъ въ 1802 году Кочубей—въ запискѣ, доложенной Александру I:

Въ первой запискѣ—Ростопчина замѣтны слѣды идей Екатерининскаго

Константинополя въ вольный городъ, какъ это мнѣніе предлагали, замѣнило бы для насъ ни охотниковъ выхода *). Приведеніе въ дѣйство сего плана было бы много затруднено мѣстными препятствіями, особливо со стороны азіятской, а успѣхъ его уничтожилъ бы вліяніе англичанъ въ Левантѣ и современемъ могъ бы доставить имъ удобный случай овладѣть оными мѣстностями для благосостоянія всей полуденной Россіи.

3-ье. Въ отношеніяхъ политическихъ:

а) Непрочность связей нашихъ съ Портою. Мы уже видѣли выше, что Императорскій Дворъ долго еще не можетъ ожидать отъ нея довѣрія и дружбы искренней. Европейскія

вѣка, когда придавали значеніе такъ называемому „греческому проекту", несмотря на его довольно фантастическія очертанія. По предположеніямъ Ростопчина, Россія должна была получить Румелію, Болгарію и Молдавію, а Австріи предоставлялось присоединить къ своимъ владѣніямъ Боснію, Сербію и Валахію; Греція съ Архипелагомъ должна была образовать полунезависимую республику, и т. д. Напротивъ, Кочубей совѣтовалъ въ своей запискѣ всѣми силами воспрепятствовать стремленіямъ державъ къ раздѣлу Турціи, такъ какъ подобный раздѣлъ никоимъ образомъ не могъ бы соотвѣтствовать реальнымъ интересамъ Россіи. Съ одной стороны Кочубей указывалъ на то, что Россія отнюдь не нуждается въ пріобрѣтеніи новыхъ владѣній, съ другой стороны—имъ высказывалась та мысль, что Россія не могла бы имѣть болѣе безопаснаго сосѣда, нежели Турцію (Ср. Mischef: „La Mer Noire et les Détroits de Constantinople". Paris, 1899 г., стр. 213). Положеніе, высказанное въ 1802 году графомъ Кочубеемъ, что „нѣтъ сосѣдей спокойнѣе турокъ, и что сохраненіе ихъ должно быть кореннымъ правиломъ нашей политики,—сдѣлалось руководящимъ началомъ въ нашихъ высшихъ правительственныхъ сферахъ, гдѣ было рѣшено, по мѣрѣ средствъ и силъ, противодѣйствовать всякимъ проектамъ, враждебнымъ нашему слабому сосѣду—Турціи" (См. Жигаревъ: „Русская политика въ восточномъ вопросѣ", т. I стр. 257). Эти начала до такой степени усвоены были нашей государственной практикой, что двѣ кровопролитныя войны съ Турціею не смогли ихъ ослабить; войны велись, побѣды одерживались, трактаты заключались, но Россія неуклонно придерживалась того взгляда, что разрушеніе Турецкой имперіи и раздѣлъ ея съ державами не соотвѣтствуетъ ея выгодамъ. И теперь, въ началѣ 1829 года, при подготовительной стадіи разработки началъ адріанопольскаго мира, тѣ же мысли повторялись съ новою силою.

*) Это мѣсто, очевидно, извращено переписчикомъ и вышло совсѣмъ непонятнымъ. Можно лишь догадаться, что смыслъ фразы долженъ былъ быть такимъ, что „для Россіи выгодно — или сохраненіе турецкаго „statu quo", или — въ крайнемъ случаѣ присвоеніе Константинополю качества вольнаго города, что могло бы, до извѣстной степени, равняться выгодамъ свободнаго выхода.

державы пользовались непріязненными къ намъ чувствами турковъ для возбужденія ихъ противъ Россіи: между прочими примѣрами, война 1768 года была плодомъ такой политики. Нѣтъ сомнѣнія, что сосѣдство врага, хотя и слабаго, но всегда готоваго нарушить миръ по собственной враждѣ или по наущеніямъ чуждыхъ, и втайнѣ выжидающаго удобнаго для нападенія времени, есть сосѣдство вредное и нестерпимое. Но съ другой стороны надлежитъ по всей справедливости сказать, что въ теченіе послѣдняго полувѣка, мнѣніе турковъ о Россіи измѣнилось. Многократный опытъ увѣрилъ ихъ въ ея могуществѣ, и несмотря на свойственную сему народу гордость, нынѣ никто, начиная отъ Султана до послѣдняго изъ его подданныхъ, не считаетъ Оттоманскую Имперію равносильной Россіи: каждый смотритъ на войну съ нами какъ на государственное бѣдствіе. Сверхъ того турки испытали не одинъ разъ, сколь мало могутъ они полагаться на обѣщанія завидующихъ Россіи державъ, кои всегда и оставляли ихъ на краю гибели, какъ скоро достигали своекорыстной цѣли, и изреченіе Алкорана всѣ невѣрные суть народъ единый—болѣе прежняго врѣзалось въ умы ихъ. Изъ сего слѣдуетъ, что при всемъ ихъ къ вамъ недоброжелательствѣ, при всей жадности, съ какою внимаютъ они каждому предвзятому толкованію нашихъ дѣйствій и намѣреній, вліяніе иностранцевъ ко вреду нашему не будетъ неограничено. Они могутъ иногда помѣшать успѣху нашихъ переговоровъ въ Константинополѣ; но конечно, уже не вооружать по своему произволу турковъ,—доколѣ сіи не утратятъ того почтенія и страха, который ощущаютъ нынѣ при имени русскомъ. Итакъ, если намъ нѣтъ надежды склонить ихъ къ союзу съ нами и употребить таковой союзъ въ свою пользу, то по крайней мѣрѣ мы съ ихъ стороны безопасны, а сіе уже есть важная выгода въ сношеніяхъ государственныхъ.

б) Частные споры съ Портою за права христіанскихъ ея подданныхъ, состоящихъ, по силѣ разныхъ трактатовъ, подъ покровительствомъ Россіи. Остановимся нѣсколько на сей статьѣ, въ коей заключаются главнѣйшія пружины россійской политики въ Левантѣ. Неудобства, здѣсь упоминаемыя, проистекаютъ изъ дѣйствій права для насъ драгоцѣннаго, ненавистнаго туркамъ и отличающаго наши сношенія

съ ними отъ сношеній всѣхъ иныхъ державъ европейскихъ. Во дни тѣсной связи королей французскихъ съ султанами, когда равная вражда противъ австрійскаго дома замѣняла имъ узы сосѣдства и дружбы, Франція получила нѣкоторое право вступаться за турецкихъ подданныхъ римско-католическаго исповѣданія *). Но съ перемѣною обстоятельствъ, сіе преимущество, не купленное цѣною побѣдъ, мало-по-малу терялось, во времена республики и вторженія Наполеона въ Египетъ, оно совсѣмъ исчезло, и нынѣ Порта съ презрѣніемъ отвергаетъ всѣ домогательства французскаго посольства по сему предмету.—Право Россіи на покровительство единовременыхъ ей племенъ несравненно полнѣе и опредѣленнѣе: оно имѣетъ и основанія твердѣйшія **).

Въ продолженіе трехъ послѣднихъ войнъ съ турками, сила оружія предавала во власть ея Архипелагъ, Молдавію, Валахію и Сербію: при заключеніи мира, оныя страны были ею возвращаемы (и особливо три послѣднія) не иначе, какъ на извѣстныхъ условіяхъ, полагавшихъ нѣкоторыя границы самодержавію Порты. Сіи условія были единовѣрцамъ нашимъ достойною наградою за ихъ пожертвованія и усилія, способствовашія полководцамъ Екатерины сломить могущество Турціи, тогда еще страшной. Они облегчили для двухъ

---

*) Здѣсь записка касается, правда довольно бѣгло, важнаго вопроса о французскихъ правахъ на протекторатъ, въ Турціи, надъ католиками. Эти права основаны на старыхъ капитуляціяхъ: а) Франциска I съ Сулейманомъ Великолѣпнымъ (XVI в.); эти первыя капитуляціи до насъ не дошли; б) времени Людовика XIV, отъ 5-го іюля 1673 года; в) времени Людовика XV, отъ 28-го мая 1740 г. (ср. Schopoff: „Les Réformes et la Protection des chrétiens en Turquie", Paris 1904: Graf von Mülinen: „Die lateinische Kirche im türkischen Reiche"; Jahrbuch für vergleichende Rechtswissenschaft, von Bernhöft & Mejer, Berlin 1902, также въ „Вечернемъ Прибавленіи къ Правительственному Вѣстнику" за 1906 г., № 133; статья „Протектораты на Ближнемъ Востокѣ".

**) Мы уже видѣли, что источники этого права покровительства заключались, въ эпоху составленія записки, главнымъ образомъ въ статьяхъ 7, 14, 16, 17 и 23 кючюкъ-кайнарджійскаго мира, каковыя были подтверждены въ полномъ ихъ объемѣ: статьею 2-ю ясскаго трактата 1791 г., статьею 3-го Бухарестскаго трактата 1812 г., и статьями 1-ю и 3-ю аккерманской конвенціи 1826 г.—Впослѣдствіи, тѣ же основанія права протектората Россіи были подтверждены 15-ю статьею адріанопольскаго трактата 1829 г. Спорнаго вопроса объ отмѣнѣ этого протектората парижскимъ трактатомъ 1856 г. мы здѣсь касаться не будемъ.

или трехъ милліоновъ христіанъ тягость мусульманскаго ига, и усугубили ихъ усердіе и преданность къ Русскому Престолу.

Въ отношеніи къ сербамъ, статья VIII букарестскаго трактата, заключенная 16-го мая 1812 г. определила разныя права и преимущества, кои долженствуютъ быть даны сему народу по взаимному съ нимъ *) соглашенію. Слѣдовательно, Россіи оставалось только внять общему гласу сербовъ, подкрѣпить ихъ справедливыя требованія и потомъ охранять... того, что между ими и Портою постановлено будетъ. Но въ Молдавіи и Валахіи, нынѣ уже въ четвертый разъ занимаемыхъ нашими войсками, права покровительствующей державы гораздо обширнѣе и дѣйствительнѣе. Сверхъ многихъ преимуществъ, дарованныхъ, такъ сказать, подъ ручательствомъ Россіи статьями XVI-ю трактата кайнарджійскаго, VII-ю изъяснительной конвенціи 10-го марта 1779 года, IV-ю ясскаго и V-ю букарестскаго мирнаго дого-

---

*) Статья VIII букарестскаго трактата 1812 г. гласила слѣдующимъ образомъ: „Сообразно тому, что постановлено четвертою статьею предварительныхъ пунктовъ, хотя и нѣтъ никакого сомнѣнія, что Блистательная Порта по правиламъ своимъ употребитъ снисхожденіе и великодушіе противъ народа сербскаго, какъ издревле подданнаго сей державѣ и дань ей платящаго, однакожъ, взирая на участіе, какое сербы принимали въ дѣйствіяхъ сей войны, признано за приличное постановить нарочныя условія о ихъ безопасности. Вслѣдствіе чего Блистательная Порта даруетъ сербамъ прощеніе и общую амнистію, и они никоимъ образомъ не могутъ быть обезпокаиваемы за прошедшія ихъ дѣянія. Крѣпости, какія могли они построить по случаю войны въ земляхъ, ими обитаемыхъ, и коихъ тамъ совсѣмъ не было прежде, будутъ, такъ какъ оныя для будущаго времени безполезны, разрушены, и Блистательная Порта вступитъ во владѣніе по прежнему всѣми крѣпостями, паланками и другими укрѣпленными мѣстами, всегда существующими съ артиллеріею, военными припасами и другими предметами и военными снадобьями, и она тамъ учредитъ гарнизоны по своему благоусмотрѣнію. Но дабы сіи гарнизоны не дѣлали сербамъ никакихъ притѣсненій, въ противность правъ, подданнымъ принадлежащихъ, то Блистательная Порта, движимая чувствомъ милосердія, приметъ на сей конецъ съ народомъ сербскимъ мѣры, нужныя для его безопасности. Она даруетъ сербамъ, по ихъ просьбамъ, тѣ самыя выгоды, коими пользуются подданные ея острововъ Архипелагскихъ и другихъ мѣстъ, и дастъ имъ восчувствовать дѣйствіе великодушія ея, предоставивъ имъ самимъ управленіе внутреннихъ дѣлъ ихъ, опредѣливъ мѣру ихъ податей, получая оныя изъ собственныхъ ихъ рукъ, и она распорядитъ наконецъ, всѣми сими предметами обще съ народомъ сербскимъ“.

вора *), турецкое правительство согласилось еще и на то, чтобы россійскіе посланники могли свободно ходатайствовать за оба Княжества: и на семъ основаніи былъ изданъ достопримѣчательный хати-шерифъ 1802 года. Но общій и существенный недостатокъ всѣхъ оныхъ актовъ состоялъ въ отсутствіи главныхъ, положительныхъ правилъ, кои бы рѣзкими чертами опредѣляли отношенія Молдавіи и Валахіи въ Портѣ. Вездѣ находимъ частныя распоряженія, а въ упомянутомъ хати-шерифѣ самыя мелкія подробности, между тѣмъ какъ другія важнѣйшія статьи, даже необходимыя для исполненія условій постановленныхъ, совсѣмъ забыты. Изъ сего происходило, что и дѣйствія покровительства нашего иногда обращались въ надзоръ мелочной и утомительный. Россійская миссія и подвѣдомые ей консулы не могли смотрѣть равнодушно на безпрестанныя утѣсненія

---

*) Въ статьѣ 16-й кючюкъ-кайнарджійскаго мирнаго договора, между прочимъ, было сказано:

„Россійская имперія возвращаетъ Блистательной Портѣ всю Бессарабію съ городами Аккерманомъ, Киліею, Измаиломъ и прочими съ слободами, деревнями и всѣмъ тѣмъ, что оная провинція въ себѣ содержитъ, равномѣрно возвращаетъ ей и крѣпость Бендеры. Возвращаетъ также Россійская имперія Блистательной Портѣ оба княжества, Волошское и Молдавское, со всѣми крѣпостями, городами, слободами, деревнями и всѣмъ тѣмъ, что въ оныхъ находится; а Блистательная Порта пріемлетъ оныя на слѣдующихъ кондиціяхъ, съ торжественнымъ обѣщаніемъ свято наблюдать оныя:

1) Наблюдать въ разсужденіи всѣхъ жителей сихъ княжествъ... полную амнистію.

2) Не препятствовать, какимъ-бы то образомъ ни было, исповѣданію христіанскаго закона совершенно свободнаго, такъ какъ созиданію церквей новыхъ и поправленію старыхъ, какъ то прежде сего уже было... 4) Признавать и почитать духовенство съ должнымъ оному чину отличіемъ... 10) Соглашается также, чтобъ по обстоятельствамъ обоихъ сихъ княжествъ министры Россійскаго Императорскаго Двора, при Блистательной Портѣ находящіеся, могли говорить въ пользу сихъ двухъ Княжествъ, и обѣщаетъ внимать оныя съ сходственнымъ къ дружескимъ и почтительнымъ державамъ уваженіемъ“.

Статья IV ясскаго договора 29-го декабря 1791 года прямо подтверждаетъ „все, что написано въ пользу Княжествъ Молдавіи и Валахіи въ мирномъ трактатѣ 10-го іюля 1774 года“.

Наконецъ, въ ст. V букарестскаго трактата 16-го мая 1812 года сказано:

„Изображенныя въ IV статьѣ ясскаго трактата условія—будутъ въ точности исполнены, и т. д.“

народа турками, господарями и боярами и давать укореняться вводимымъ мало по малу злоупотребленіямъ. Они были обязаны защищать права его, и для своей защиты дѣйствовать тѣмъ единственнымъ оружіемъ, которое представляли имъ хати-шерифъ и трактаты. Молдавія и Валахія отдыхали, когда въ Константинополѣ отзывался голосъ посланника, достойнаго Монаршей довѣренности; но между тѣмъ, частныя распри съ министерствомъ турецкимъ затрудняли дипломатическіе переговоры и вредили успѣшному отправленію дѣлъ текущихъ. Однимъ словомъ, ежедневный опытъ доказывалъ необходимость дать нашимъ дѣйствіямъ по сей части основанія болѣе приличныя достоинству Россіи,— не предавая однако же области, ею покровительствуемыя, алчности и самоволію ихъ правителей. Аккерманская конвенція*) начала сіе дѣло. Но мирныя настоянія не могли бы привести насъ къ желанной цѣли: лишь успѣхи побѣдоноснаго оружія Его Императорскаго Величества могутъ облегчить достиженія оной.

Что касается до прочихъ христіанъ, подвластныхъ Портѣ, то прежніе трактаты давали Россіи право охранять исповѣдуемую ими вѣру, не опредѣляя ни образа, ни границъ его покровительства,—нынѣшнее заступленіе за грековъ имѣетъ основанія иныя,—и потому не принадлежатъ къ сему исчисленію.

Разсматривая такимъ образомъ главнѣйшія сношенія наши съ Турціей, нельзя не признать, что выгода отъ ея сосѣдства значительно превышаетъ невыгоды, что всякая иная держава на ея мѣстѣ едва ли не была намъ безпокойнѣе и вреднѣе. Если же къ сему прибавить тѣ важныя затрудненія, въ кои повергнуло бы всю Европу внезапное разрушеніе имперіи, входившей издавна въ составъ политической ея системы; если заранѣе представимъ себѣ смятеніе и страхи завидующихъ Россіи державъ, ихъ происки и вра-

*) Конвенція эта была заключена въ Аккерманѣ 25-го сентября 1826 г. Въ ней ст. 1 подтверждаетъ „всѣ условія и постановленія мирнаго договора, заключеннаго въ Букарестѣ 16-го мая 1812 г.“, ст. III подтверждаетъ „права и преимущества, коими долженствуютъ пользоваться Княжества Молдавское и Валахское“; а ст. V гласитъ, что: „Порта... приведетъ немедленно въ исполненіе всѣ постановленія, означенныя въ VIII статьѣ Бухарестскаго договора касательно народа Сербскаго“.

ждебные противъ насъ союзы, то увидимъ ясно, что сіе происшествіе было бы (особливо нынѣ) случаемъ несчастнымъ, могущимъ возмутить общій миръ на долгое время. Напрасно возразили бы намъ исчисленіемъ тѣхъ выгодъ и пріобрѣтеній, кои достались бы тогда на часть Россіи: ей нужны не новыя пріобрѣтенія, не распространеніе предѣловъ, но безопасность оныхъ и распространеніе ея вліянія между сосѣдственными народами;—а сего, какъ было изъявлено выше, она удобнѣе достигнуть можетъ, продливъ существованіе Оттоманской имперіи на извѣстныхъ условіяхъ. Притомъ обратимъ вниманіе наше и на послѣдствія побѣдъ самыхъ блистательныхъ, если цѣлью оныхъ будетъ ниспроверженіе владычества султановъ въ Европѣ. Изгнанные оттуда, они удалятся въ Малую Азію, древнюю свою отчизну и колыбель имперіи, населенную народомъ воинственнымъ, почти безъ примѣси иновѣрныхъ, сохранившихъ во всей цѣлости вѣру и полудикіе нравы предковъ. Тамъ, связавъ крѣпче прежняго остальныя и уже однородныя части государства и сосредоточивъ силы свои на югозападной чертѣ областей Россійскихъ за Кавказомъ, турки могутъ, при невыгодныхъ для насъ обстоятельствахъ, быть гораздо опаснѣе, нежели въ настоящемъ положеніи. И тогда всѣ подвиги россіянъ и рѣки пролитой ими крови послужили бы только къ обновленію Оттоманской имперіи и къ обращенію всѣхъ усилій непріятеля на мѣста слабѣйшія нашей границы. Разрѣшивъ такимъ образомъ предлежавшій намъ главный вопросъ о пользѣ существованія Турціи, мы должны однако же предвидѣть и тотъ случай, когда бы престолъ Махмуда обрушился отъ причинъ внутреннихъ и совершенно чуждыхъ Россіи, отъ разслабленія всѣхъ пружинъ государственныхъ, отъ неразумѣнія правительства, отъ насильственнаго измѣненія ихъ нравовъ и обычаевъ народныхъ.

Нельзя, конечно, отрицать возможности сего событія, и, слѣдовательно, необходимо нужно сообразить заранѣе всѣ вѣроятныя послѣдствія онаго, дабы при самомъ заключеніи мира опредѣлить будущее направленіе нашей политики въ Левантѣ и доставить ей средства дѣйствовать въ рѣшительную минуту безошибочно, пользуясь всѣми благопріятными для насъ обстоятельствами. Легкомысленные наблюдатели, не знающіе ни вѣры, ни думъ мусульманъ, прославляютъ

великія качества султана Махмуда и видятъ въ немъ второго Петра, преобразователя земли своей. Не входя въ подробности сего неравнаго сравненія, скажемъ утвердительно, что мѣры, принятыя съ 1808 года, распространили, правда, собственную власть Султана, но въ то же время ниспровергли главныя подпоры государства и произвели въ народѣ общее раздраженіе. Движимый слѣпою ненавистью ко всѣмъ лицамъ и состояніямъ, пользовавшимся наслѣдственными правами почти съ основанія имперіи. Махмудъ не внималъ совѣтамъ благоразумія и хотѣлъ не исправленія безпорядковъ, но истребленія тѣхъ, коимъ оные до сего обращались въ пользу: за то и введенныя имъ новизны, бывъ противны мнѣніямъ и привычкамъ народнымъ, погибнутъ вмѣстѣ съ нимъ при первомъ сильномъ потрясеніи. Въ подобномъ случаѣ едва ли предполагать можно, чтобы его дѣти спокойно ему наслѣдовали: весьма вѣроятно, что ихъ малолѣтство и мщеніе янычаръ отдаляетъ ихъ отъ престола, и что на оный возведены будутъ или потомки крымскихъ гиреевъ, или же Молла Хункяръ, отъ колѣна древнихъ Сельдчукскихъ владѣльцевъ, коего имя было громко произносимо мятежниками еще въ 1818 году. Таковая перемѣна династіи не была бы ни съ какой стороны вредна для Россіи. Но вникая въ настоящее положеніе Турціи, разстроенной и обезсиленной многолѣтними смятеніями, нельзя ручаться, чтобы паденіе Султана Махмуда и его системы не ускорило всеобщаго разрушенія имперіи, на которое ни Россійскій, ни другіе Дворы не могутъ смотрѣть съ равнодушіемъ. Тогда представятся два средства: раздѣлъ турецкихъ владѣній между большими державами или раздробленіе оныхъ на нѣсколько областей независимыхъ.

Оба средства сопряжены со многими трудностями, хотя и не въ равной степени.

Было время, когда раздѣлъ Турціи могъ входить въ тайные разсчеты Россійской политики. Нынѣ, когда предѣлы Имперіи распространены отъ Бѣлаго моря до Дуная до Аракса, отъ Камчатки до Вислы, весьма немногія пріобрѣтенія могутъ быть ей полезны. Обладаніе Босфоромъ и Дарданеллами, конечно, дало бы новую жизнь нашей торговлѣ: но какою цѣною надлежало бы купить оное. Скрытые дипломатическіе ковы непріязненныхъ Державъ обратились

бы въ явную вражду и можетъ въ кровавыя распри. Предположивъ даже, что великодушная умѣренность Его Императорскаго Величества успѣла бы склонить другіе дворы къ миролюбивому раздѣлу, ихъ участки необходимо будутъ по географическому положенію земель, гораздо выгоднѣе того, который достанется Россіи. Австрія потребуетъ себѣ въ жертву единовѣрную намъ Сербію, Герцеговину, Боснію, Албанію и скоро поработитъ Черногорцевъ. Греческіе острова, Кандія, Морея и вѣроятно Египетъ падутъ во власть Англіи и Франціи. Пруссія, не бывъ удовлетворена въ Левантѣ, захочетъ вознагражденія на берегахъ Эльбы и Рейна. И, наконецъ, плодомъ всѣхъ таковыхъ перемѣнъ будетъ, что вмѣсто безпечныхъ турковъ, Россійскій флагъ встрѣтитъ въ Архипелагѣ соперниковъ дѣятельныхъ и опасныхъ, кои стѣснятъ нашу торговлю въ новопріобрѣтенныхъ своихъ гаваняхъ и мало по малу отнимутъ у насъ многія изъ выгодъ, ожидаемыхъ отъ свободнаго плаванія черезъ устье Чернаго моря. Касательно раздробленія Европейской Турціи на области независимыя, планъ онаго былъ уже представленъ на Высочайшее усмотрѣніе Государя Императора графомъ Каподистрія *). Главныя его основанія заключаются въ слѣдующемъ:

1. Изъ владѣній турецкихъ составить пять областей:

а) Дакію, которая будетъ содержать въ себѣ княжества Молдавское и Валахское; б) Сербію, съ присоединеніемъ къ ней Босніи и Болгаріи; в) Македонію, разумѣя подъ симъ

---

*) Гр. Каподистрія, греческій уроженецъ съ острова Корфу, поступилъ на русскую службу въ 1807 году, когда французы снова овладѣли Іонійскими островами и, вслѣдствіе того, прекратилось дѣйствіе русскаго протектората надъ этими островами и въ особенности надъ Корфу. Его дипломатическій талантъ въ особенности выдвинулся при заключеніи букарестскаго договора 1812 года. Онъ былъ въ дружбѣ съ дюкомъ де-Ришелье. Его перу принадлежатъ, какъ полагаютъ, изложеніе и формулировка началъ „Священнаго Союза". Въ 20-хъ годахъ его вліяніе въ сферахъ нашей дипломатіи было такъ велико, что руководство иностранными дѣлами, какъ будто раздвоилось: западъ отданъ былъ въ вѣдѣніе Нессельроде: востокъ — графу Каподистріи. Его вліяніе на Александра I-го значительно содѣйствовало постепенной эволюціи взглядовъ петербургскаго кабинета въ пользу греческой эмансипаціи. Однако, 9-го октября 1831 года,—этотъ человѣкъ, столь много сдѣлавшій для возрожденія своей родины—Греціи, палъ отъ руки двухъ грековъ, братьевъ Мавромихалисъ.

наименованіемъ всю нынѣшнюю Румелію и прилежащіе острова; г) Епиръ, вмѣстѣ съ Албаніею верхнею и нижнею и д) область Еллиновъ или Грецію, полагая границы ея отъ рѣки Пенея въ Ѳессаліи до города Арты и включая въ оную весь Архипелагъ.

2) Управленіе каждой области ввѣрить особому независимому князю, но по избранію союзныхъ державъ изъ второстепенныхъ домовъ европейскихъ; но для сохраненія между ними надлежащаго единства, учредить изъ областныхъ депутатовъ сеймъ, коего мѣстопребываніе назначается въ Константинополѣ.

3) Обратить Константинополь въ вольный городъ, ограничивъ его владѣніе небольшимъ пространствомъ земли вдоль Чернаго и Мраморнаго моря, островомъ Тенедосомъ и еще двумя укрѣпленными мѣстами на азіатскомъ берегу Босфора; съ тѣмъ однако же, чтобы всѣ прочія укрѣпленія въ сей окружности, а равно и около Дарданеллъ были срыты;

и 4) Оставляя мусульманъ спокойными обладателями Малой Азіи, запретить имъ строеніе крѣпостей, городовъ и всякихъ жилищъ по азіатскому берегу вдоль Босфора и Дарданельскаго пролива.

Сей планъ представляетъ многіе выгоды. Слѣдуя оному, можно до нѣкоторой степени уменьшить опасенія людей, еще мечтающихъ о равновѣсіи Европы, и отнять у неблагопріятствующихъ Россіи дворовъ поводы къ жалобамъ и несправедливымъ обвиненіямъ. Можно надѣяться, что съ одной стороны искреннее желаніе Государя Императора сохранить существованіе Турціи, а съ другой—великодушная умѣренность Его Величества при неизбѣжномъ ея разрушеніи, предупредятъ многія распри и войну всеобщую. Всѣ Державы останутся въ прежнемъ положеніи, также, повидимому, и Россія: но въ самомъ дѣлѣ ея вліяніе распространится силою причинъ мѣстныхъ, независящихъ отъ разсчетовъ и ухищреній европейской политики. Единство вѣры нашей со всѣми новыми областями, единство происхожденія съ обитающими въ нихъ славянскими племенами, древнія съ нами связи и неодолимая ихъ недовѣрчивость къ народамъ иновѣрнымъ, выгоды черноморской торговли: все будетъ привязывать ихъ къ Россійскому Престолу; отъ него

они издавна привыкли ожидать себѣ покровительства и спасенія. Равно полезна мысль о раздѣленіи сихъ областей по языкамъ и происхожденію обитателей*). Славянскія племена весьма благоразумно отдѣлены отъ грековъ и румынъ, несмотря на единство вѣры; а молдоване и валахи, потомки однихъ предковъ, говорящіе однимъ языкомъ, имѣющіе одни законы и обычаи, а сверхъ того и одинаковый образъ судопроизводства и управленія, по всей справедливости слиты въ одинъ народъ и одно государство. Главное затрудненіе при исполненіи этого плана состояло бы въ множествѣ мусульманъ, населяющихъ Европейскую Турцію, а особливо Боснію, Албанію и Румелію. — Тамъ путешественникъ на всякомъ шагу видитъ селеніе турецкое подлѣ селенія христіанскаго и минареты мечетей въ большемъ числѣ противъ

---

*) Проектъ, здѣсь изложенный и приписываемый графу Каподистрія, конечно, весьма интересенъ, какъ первая попытка набросать на этнографическихъ основаніяхъ возможную карту будущихъ національныхъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ. Въ этомъ отношеніи идеи Каподистрія идутъ глубже и предугадываютъ будущіе горизонты съ большею зоркостью, нежели проекты его предшественниковъ Ростопчина и Кочубея. Однако, нельзя вполнѣ согласиться съ текстомъ настоящей записки въ томъ, будто проектъ графа Каподистрія даетъ вполнѣ выдержанное „раздѣленіе областей по языкамъ и происхожденію обитателей“ Балканскаго полуострова. Положимъ, что такова была руководящая мысль. Но уклоненія отъ этой мысли допущены весьма значительныя. Такъ, напримѣръ, Македонія (въ смыслѣ Румеліи съ прилегающими островами) представляла-бы область съ чрезвычайно смѣшаннымъ и разнороднымъ населеніемъ; что, впрочемъ, не удивительно, такъ какъ въ концѣ 20-хъ годовъ (за четверть вѣка до путешествія Григоровича) едва ли гдѣ-либо можно было почерпать свѣдѣнія о томъ, что Македонія славянская и Македонія греческая рѣзко отдѣляются одна отъ другой и почти не смѣшиваются въ территоріальномъ отношеніи. Не слѣдуетъ забывать, что мысли графа Каподистрія въ сущности забѣгали впередъ на цѣлое поколѣніе, и что наука его времени положительно не давала еще тѣхъ необходимыхъ основъ, на которыхъ впослѣдствіи могли быть уже прочно возведены эти построенія. Изъ видныхъ путешественниковъ, одинъ только Pouqueville („Voyage en Morée à Constantinople et en Albanie“ 1805 г.) издалъ свои труды раньше этой эпохи. Затѣмъ всѣ старѣйшіе піонеры этнографіи Балканскаго полуострова—дѣйствовали въ болѣе позднее время: Ami Boué—въ 1836 году; Іосифъ Мюллеръ—въ 1837 г.; Гризебахъ—въ 1841 году; Шафарикъ—въ 1842 году; Григоровичъ—въ 1844 году; Гильфердингъ—въ 1857 году. Не мудрено, что въ подробностяхъ начертаній графа Каподистрія, наканунѣ адріанопольскаго мира, могли быть фактическія неточности въ пониманіи этнографіи Балканскаго полуострова.

церковныхъ куполовъ. Быть можетъ, что со временемъ нравы мусульманъ, постепенно смягчаясь, дозволятъ подчинить ихъ владычеству христіанъ; нынѣ же сіе предпріятіе едва ли было бы возможнымъ. Скорѣе, кажется, турки оставятъ толпами Европу и удалятся въ Азію, которую не перестаютъ почитать истиннымъ своимъ отечествомъ. Дабы предупредить отчаянное съ ихъ стороны сопротивленіе и не проливать напрасно потоковъ крови, надлежало бы рѣшиться на сохраненіе въ Европѣ хотя одной магометанской области *) безъ всякой зависимости отъ предполагаемаго союза, но въ то же время и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ азіатскихъ границъ, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи мало по малу вести оную къ добровольному принятію нашей вѣры и нашего просвѣщенія, или же приготовить заблаговременно достаточныя силы для преодолѣнія неизбѣжныхъ препятствій. Равнымъ образомъ трудно будетъ оградить Константинополь отъ моровой язвы и удержать и азіатскихъ мусульманъ отъ набѣговъ на берега Босфора и Дарданеллы, особливо же, если всѣ укрѣпленія (кромѣ двухъ мѣстъ) будутъ срыты. Напротивъ того, надлежало бы, кажется, еще болѣе здѣшняго укрѣпить азіатскій берегъ вдоль обоихъ проливовъ такъ, чтобы плывущіе черезъ оные корабли не могли

*) Идею объ образованіи на Балканскомъ полуостровѣ одной какой-либо чисто магометанской области можно назвать умозрительной утопіей. Какъ построеніе апріористическое, вытекающее изъ чувства справедливости, дабы чѣмъ-либо вознаградить и успокоить мусульманское чувство, это предположеніе графа Каподистрія несомнѣнно заслуживаетъ симпатіи. Но онъ по неточности этнографическихъ свѣдѣній въ его время, очевидно, не представлялъ себѣ, до какой степени оказалось бы труднымъ осуществить такую идею на практикѣ, подыскавъ цѣлую область съ сплошнымъ мусульманскимъ, а тѣмъ болѣе турецкимъ населеніемъ, на Балканскомъ полуостровѣ. Въ этомъ отношеніи поучительными являются 2 карты, изданныя по статистическимъ свѣдѣніямъ времени, предшествовавшаго освободительной войнѣ 1877 и 78 гг. Одна изъ нихъ знаменитая этнографическая карта Lejean, вышедшая въ 1862 году у Петермана, а затѣмъ—менѣе извѣстная, но достойная вниманія карта, вышедшая въ іюлѣ 1876 года въ извѣстныхъ „Mittheilungen“ Petermann'a (VII) подъ заглавіемъ: „Die neueste Eintheilung der Türkischen Gebiete und die Confessionen in der Türkei“. Общій выводъ изъ этихъ картъ ясенъ: только въ одномъ мѣстѣ замѣчалось, даже въ тѣ времена, сгущеніе турецкаго населенія, именно—въ Восточной Болгаріи, между Рущукомъ и Варной. Таково освѣщеніе предположеній Каподистріи, по даннымъ позднѣйшаго научнаго освѣдомленія.

быть тревожимы жителями, а для большей безопасности Босфора присоединить къ константинопольскому округу весь малый полуостровъ Никодимійскій.—Наконецъ, обращаясь собственно къ пользамъ Россіи, главному предмету нашему, спросимъ: будетъ ли въ состояніи слабый, неукрѣпленный городъ противиться вторженію непріятельскаго флота въ Черное море, при первой нашей войнѣ съ Англіей или иною державою?—Нынѣ мы съ сей стороны безопасны ибо турецкая морская сила ничтожна, а народные предразсудки и вѣчная недовѣрчивость къ европейцамъ едва ли когда-нибудь дозволятъ Портѣ, даже и въ самыхъ тѣсныхъ для нея обстоятельствахъ, открыть свободный входъ въ Черное море сильному христіанскому флоту.

Итакъ, въ случаѣ нападенія оттоманской имперіи, если Россія не будетъ обладать Константинополемъ, то ей нуженъ вѣрный залогъ, который бы обезпечивалъ невредимость южныхъ ея областей, — и никто не могъ бы справедливо укорять ее въ какихъ-либо тайныхъ замыслахъ, если бы она тогда потребовала себѣ два каменистые угла на обѣихъ берегахъ Босфора у сѣвернаго его устья для построенія крѣпостей, способныхъ защищать сей проходъ въ случаѣ непріятельскаго нападенія *). Между тѣмъ права свободной торговли въ Константинополѣ оставались бы неприкосновенными, и корабли всѣхъ народовъ имѣли бы открытый доступъ къ сему городу отъ Мраморнаго моря, не опасаясь никакого съ нашей стороны препятствія.

Съ сими дополненіями планъ графа Каподистрія представляетъ менѣе удобствъ и менѣе опасности для спокойствія Европы, нежели всѣ иныя предположенія. Особливо главная мысль его, о раздѣленіи на нѣсколько независимыхъ областей богатаго наслѣдства турковъ (когда бы ихъ владычество рушилось въ Европѣ), столь благоразумна и основательность ея столь очевидна для каждаго знающаго внутреннее состояніе Турціи, что весьма полезно было бы имѣть ее въ виду при самомъ заключеніи мира, и тогда же начать по возможности приведеніе оной въ исполненіе. По-

---

*) Высказанная здѣсь мысль интересна въ томъ отношеніи, что въ ней содержится, какъ бы за 4 года впередъ, зародышъ ункіаръ-искелесскаго договора 1839 года.

томъ каждый шагъ Оттоманской Имперіи къ конечному упадку, — если не достовѣрному, то по крайней мѣрѣ весьма вѣроятному, несмотря на всѣ усилія Европейскихъ державъ — каждое новое происшествіе въ Левантѣ представятъ Россійской политикѣ болѣе или менѣе благопріятный случай къ постепенному довершенію сего важнаго шага.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что при благополучномъ окончаніи нынѣшней войны *), мирныя условія должны быть двоякаго рода. Одни будутъ имѣть цѣлью пользы настоящія, то есть, выгодное для Россіи устройство сношеній съ Турціей, пограничныхъ, торговыхъ и политическихъ, а также и назначеніе вознагражденія за понесенные нами убытки. Другія же, имѣя въ виду пользы будущія, положатъ прочное основаніе будущей политической системѣ Двора Россійскаго относительно къ Турціи, и тому зданію, которое предполагается воздвигнуть, въ случаѣ паденія сей державы, на ея развалинахъ: основаніе областямъ отдѣльнымъ и болѣе или менѣе независимымъ, кои бы, утверждая и совершенствуя политическое бытіе свое подъ скипетромъ оттоманскимъ, могли со временемъ заступить мѣсто Турціи безъ сильныхъ потрясеній и даже служить примѣромъ для образованія прочихъ ея владѣній въ Европѣ.

---

*) Настоящая война (говоря словами „Записки")—была по счету 8-ю войною между Россіею и Турціею. Вотъ точный перечень первыхъ русско-турецкихъ войнъ:

Первая турецкая война была при Өедорѣ Алексѣевичѣ, изъ-за Малороссіи (1676 г.) и закончилась бахчисарайскимъ миромъ.

Вторая война—при Петрѣ I, взятіе Азова (1696 г.)—завершилась константинопольскимъ трактатомъ 1700 года.

Третья война окончилась прутскимъ миромъ 1711 года.

Четвертая война—при Аннѣ Іоанновнѣ заканчивается бѣлградскимъ миромъ 1739 года.

Пятая война (или 1-я екатерининская)—длится съ 1768 до 1774 г. и оканчивается кючюкъ-кайнарджійскимъ миромъ 1774 года.

Шестая война (или 2-я екатерининская)—продолжалась отъ 1787 до 1791 г. изъ-за Крыма; суворовскія побѣды привели къ заключенію ясскаго мира 1791 года.

Седьмая война (съ 1806 до 1812 г.)—при сербскомъ возстаніи Кара-Георгія; конецъ ея—букарестскій миръ 1812 г.

Наконецъ, восьмая война (1827—1829 г.) изъ-за освобожденія Греціи (наваринскій бой)—оканчивается адріанопольскимъ миромъ 1829 г.

Симъ опредѣливъ цѣли предлежащаго мирнаго трактата изложимъ въ сей подробности статьи, долженствующія войти въ составъ онаго“.

* * *

Изложеніе текста адріанопольскаго договора, о которомъ говорится въ послѣднихъ словахъ „Записки“, не входитъ въ настоящую нашу задачу. Напомнимъ только вкратцѣ, въ чемъ состояло выдающееся значеніе этого трактата, по поводу коего одинъ извѣстный историкъ восточнаго вопроса впослѣдствіи сказалъ, что этимъ миромъ „доведено было до крайнихъ предѣловъ преобладающее положеніе Россіи“ *). По адріанопольскому миру Россія получила всю территорію устья Дуная; граница наша пошла по р. Пруту; отъ его устья по главному руслу Дуная до Тульчи; затѣмъ по самому южному рукаву („Георгіевскому Гирлу“) до моря. Признано было за нами право военнаго судоходства во всѣхъ гирлахъ вверхъ по Дунаю, до соединенія съ Прутомъ, у Рени. Кромѣ того, адріанопольскій миръ послужилъ главнымъ основаніемъ для политической независимости Греціи и Сербіи, а также для автономіи Молдавіи и Валахіи; наконецъ, имъ подтверждалось право религіознаго протектората Россіи. Этими данными опредѣляется важность адріанопольскаго трактата и предварительныхъ матеріаловъ, къ его выработкѣ; въ этомъ мирномъ договорѣ заключается поворотный пунктъ въ дипломатической исторіи Ближняго Востока: поворотный потому, что съ этого момента начинается глухое давленіе по всей линіи и вмѣшательство силъ, осложнившихъ общую постановку вопросовъ, что и выразилось на постепенныхъ этапахъ новой эволюціи. Эти памятныя вѣхи на измѣненномъ пути были — сначала Ункіаръ-Искелесси (1833 г.), затѣмъ конвенція 1841 года о проливахъ, наконецъ парижскій трактатъ 1856 года.

А. Башмаковъ.

---

*) Жигаревъ, I, 362.

Государственный строй старой Турціи и ея эволюція.

II.

Внѣшнее и внутреннее состояніе Оттоманской имперіи въ XVIII вѣкѣ.—XIX-й вѣкъ.—Три главныхъ періода реформъ.—Первый періодъ: царствованіе Селима III (1789—1807 г.) и Махмуда II (1808—1839 г.).—Второй періодъ: царствованіе Абдулъ-Меджида (1839—1861 г.) и Абдула-Азиса (1861—1876 г.). Гюльханскій гатти-шерифъ 1839 г. и гатти—гюмайюнъ 1856 г.—Реформаціонная дѣятельность Решида-паши.—Реформы Фуада-паши и Аали-паши *).

Въ XVIII вѣкѣ Оттоманская имперія вступаетъ въ новую фазу своего развитія, въ которой она и остается въ теченіе всего послѣдующаго девятнадцатаго вѣка. Отнынѣ исторія Турціи неразрывными узами связывается съ общей исторіей Европы, и Оттоманская имперія становится неисчерпаемымъ объектомъ воинственныхъ и дружественныхъ отношеній всей европейской дипломатіи. Въ эту то эпоху и появляется злополучный „Восточный вопросъ".

Въ XVIII вѣкѣ выступаютъ всѣ тѣ основныя силы Европы и Турціи, которыя въ теченіе всего послѣдующаго вѣка поставили Турецкую имперію на край гибели. Всѣ будущіе герои—„Восточнаго вопроса" и международныхъ потрясеній на Балканскомъ полуостровѣ пробуютъ свои силы и намѣчаютъ общую линію своего поведенія—это великія державы—Франція, Англія, Россія, Австрія и Пруссія; здѣсь же разыгрываются первыя возстанія эллиновъ, сербовъ, мятежныхъ пашей, не признающихъ верховной власти султановъ, и все это на традиціонномъ историческомъ фонѣ всесильнаго владычества гаремовъ, вѣчныхъ возстаній янычаръ и безконтрольнаго и беззастѣнчиваго произвола провинціальныхъ деспотовъ Турціи.

---

*) См. „Слав. Изв." 1909 г., кн. 7, стр. 931.

Карловицкій миръ 1699 года, заключенный послѣ продолжительной войны, начатой въ 1684 году Священной лигой противъ Турціи, лишалъ Оттоманскую имперію почти всей Венгріи, отдавалъ Польшѣ Каменецъ, Подолію, Западную Украйну, Венеціи—Пелопонессъ, а Россіи—Азовъ. Это было первымъ предвѣстникомъ внѣшняго разрушенія имперіи. Но если Оттоманская имперія продолжала существовать въ началѣ XVIII вѣка, то этимъ она обязана одной великой державѣ.

Въ эту эпоху Франція, вступившая въ дружественныя отношенія съ турецкимъ султаномъ еще во времена Франциска I, впервые громогласно провозглашаетъ принципъ „невмѣшательства во внутреннюю политику Турціи" и „охраны цѣлости и неприкосновенности Оттоманской имперіи и суверенитета султана".

Франція Людовика XIV и Людовика XV до середины XVIII вѣка была истинной повелительницей Европы, и ея дипломатія доминировала надъ всѣми представителями другихъ великихъ державъ въ восточномъ вопросѣ. Версаль былъ самымъ искреннимъ другомъ и союзникомъ Турціи и въ своей политикѣ мужественно защищалъ ея интересы.

Австрія начала свое знаменательное наступленіе на Турцію, составившее въ концѣ XIX вѣка грозный Drang nach Osten. Однако это первое выступленіе Австріи не принесло никакихъ реальныхъ результатовъ, и послѣ побѣдоносной войны 1716—18 года она, потерпѣвъ страшное пораженіе въ 1735—39 году, была вынуждена возвратить всѣ свои завоеванія на Балканскомъ полуостровѣ Турціи.

Но не этой монархіи Габсбурговъ боялась Турція и Европа, а молодой великой сѣверной державы—Россіи.

Еще Петръ I мечталъ о великомъ „крестовомъ походѣ" противъ Турціи, но только съ воцареніемъ Екатерины II Россія начала рѣшительную борьбу съ Оттоманской имперіей, и ея побѣдоносныя войны окончательно подорвали и безъ того слабое военное могущество Турціи.

Въ 1768 году Порта объявила войну Россіи; это было первое столкновеніе съ ней послѣ 1739 года, и она еще не представляла себѣ, съ какимъ могущественнымъ врагомъ вступаетъ она въ борьбу. Въ то время какъ русскій фельдмаршалъ Румянцевъ одерживалъ блестящія побѣды на

р. Ларгѣ и затѣмъ на р. Кагулѣ, русскій флотъ подъ начальствомъ Алексѣя Орлова отправился въ Эгейское море.

Въ Элладѣ вспыхнуло поголовное возстаніе противъ турецкаго ига и грозило самымъ прочнымъ основамъ оттоманскаго владычества. Но пока русскіе находились у береговъ Греціи, возставшіе могли еще надѣяться на успѣхъ; когда же вся русская эскадра ушла въ глубь Эгейскаго моря, на Грецію внезапно обрушилось грозное нашествіе дикихъ горцевъ Албаніи. Подъ ихъ несокрушимымъ бурнымъ натискомъ на цѣлыхъ полъ вѣка погибла мечта о независимомъ греческомъ королевствѣ. Чесменская битва рѣшила исходъ войны.

Русско-турецкая война закончилась Кучукъ-Кайнарджискимъ миромъ (1774 году), по которому Турція признала независимость Крыма. Послѣ присоединенія Крыма (1783 года) и перваго польскаго раздѣла, Россія начинала достигать такихъ обширныхъ размѣровъ, что являлась не только угрозою Турціи, но и всему европейскому равновѣсію.

Австрія, Пруссія, Франція и Англія были глубоко встревожены русскимъ наступленіемъ на Оттоманскую имперію, но политическая осторожность заставляла ихъ дѣлать столь обычную для Европы дипломатію „bonne mine à mau vais jeu“. Послѣ недолгаго колебанія Іосифъ II заключилъ съ Россіей оборонительный и наступательный союзъ въ 1781 году, съ тайной цѣлью завладѣть западной частью Балканскаго полуострова, которая была всегда объектомъ самыхъ сокровенныхъ помысловъ и желаній австрійской монархіи на Ближнемъ Востокѣ.

Тогда же въ посланіяхъ Екатерины II австрійскому императору былъ намѣченъ въ самыхъ общихъ чертахъ „Великій“ или „Греческій“ проектъ, внушенный русской императрицѣ ея всесильнымъ фаворитомъ кн. Потемкинымъ.

Греческій проектъ—это реальное и конкретное выраженіе исторической традиціи всей нашей политики на Ближнемъ Востокѣ. Это—честолюбивое наслѣдіе „идеи третьяго Рима“, средневѣковая мечта крестоваго похода для изгнанія турокъ изъ Европы побѣдила воображеніе русской императрицы и приняла новую, вполнѣ соотвѣтствующую эпохѣ XVIII вѣка форму политическаго раздѣла Турціи.

Вотъ основныя положенія этого въ высшей степени любо-

пытнаго историческаго документа. Россія пріобрѣтаетъ только очень незначительную полосу земли между Днѣстромъ и Бугомъ и нѣсколько Іоническихъ островов для торговли. Молдавія, Валахія и Бессарабія должны были составить самостоятельное независимое государство подъ названіемъ Дакіи. Въ случаѣ удачнаго изгнанія турокъ изъ Европы древняя византійская имперія должна была быть вновь возстановлена подъ властью базилевса эллиновъ—внука императрицы, великаго князя Константина съ тѣмъ, чтобы новая греческая имперія никогда не соединялась съ Россіей.

Во время своего знаменитаго путешествія по югу Россіи Екатерина II получила отъ Порты объявленіе войны, вызванное незначительнымъ поводомъ нашихъ отношеній къ Грузіи.

Вторая русско-турецкая война 1787—1791 года, въ противоположность первой, была связана съ цѣлымъ рядомъ международныхъ дипломатическихъ осложненій и политическихъ событій, имѣющихъ громадное міровое значеніе.

Послѣ нѣсколько вялаго начала войны и пораженія нашего союзника Іосифа II, блестящія побѣды Суворова встревожили всю Европу. Образовалась англо-прусско-шведская коалиція противъ Россіи. Густавъ III, король Шведскій объявилъ войну Россіи, а Вильямъ Питтъ едва не довелъ Англію до открытой войны съ Россіей. Новая война, враждебный союзъ трехъ великихъ державъ, пораженіе австрійцевъ и французская революція заставили Екатерину II, несмотря на Суворовскія побѣды, быть уступчивой и согласиться на Ясскій миръ съ Турціей. Греческій проектъ такъ и остался только проектомъ.

Въ серединѣ XVIII вѣка на обложенномъ грозными свинцовыми тучами горизонтѣ Ближняго Востока появляется новая рѣшительница судебъ Балканскаго полуострова – Великобританія. Ея позиція діаметрально противоположна позиціи Россіи какъ на Ближнемъ, такъ и на Среднемъ Востокѣ. Она становится искреннимъ другомъ-союзникомъ Турціи и такимъ же искреннимъ врагомъ Россіи. Съ желѣзной послѣдовательностью и неизмѣннымъ постоянствомъ продолжаетъ она прежнюю политику Франціи, какъ генія-покровителя Оттоманской имперіи.

Въ этомъ же самомъ XVIII вѣкѣ сталкиваемся мы и

съ Пруссіей: въ 1761 году Мустафа III заключаетъ съ нею договоръ предоставляющей ей цѣлый рядъ привилегій и льготъ.

Таково было международное положеніе Турціи въ XVIII вѣкѣ; здѣсь связываются уже всѣ нити будущаго „Балканскаго кризиса“ XIX вѣка, здѣсь же нужно искать разгадку всего „Восточнаго вопроса“, такъ глубоко взволновавшаго Европу и все цивилизованное человѣчество.

* * *

Обращаясь къ внутренней исторіи Оттоманской имперіи, мы снова наталкиваемся на обычную безотрадную картину внутренняго разложенія. Послѣ блестящей дѣятельности великихъ визирей Кеприли, Турція въ теченіе всего XVIII вѣка переживаетъ снова эпоху старческаго маразма и административной анархіи.

По прежнему всѣ султаны до Селима III только царствуютъ, а управляютъ страной женщины, евнухи, янычары, мятежные-паши и мѣстные провинціальные деспоты. Но на ряду съ этимъ съ средины XVIII вѣка и особенно въ концѣ его появляются новые факторы внутренней турецкой исторіи, оказавшіе глубокое вліяніе на весь послѣдующій XIX вѣкъ: это пробужденіе національнаго самосознанія у всѣхъ христіанскихъ народностей, населявшихъ исконныя владѣнія Турціи и явное сепаратистское движеніе африканскихъ и азіатскихъ окраинъ Турецкой имперіи, вызвавшее цѣлый рядъ крупныхъ возстаній мятежныхъ пашей въ Египтѣ, въ Аравіи, въ Арменіи, въ Албаніи и другихъ областяхъ Турціи.

Ахмедъ III (1703—30), возведенный на престолъ возстаніемъ янычаръ, проявилъ вначалѣ необычайную для турецкихъ султановъ энергію и рѣшительность: свергнулъ прежняго великаго визиря, казнилъ всѣхъ зачинщиковъ послѣдней революціи—янычаръ, назначилъ новаго великаго визиря Дамадъ-Гассанъ-пашу и быстро подавилъ царившую въ странѣ анархію и возстаніе окраинъ. Но черезъ нѣкоторое время Ахмедъ III подпалъ всецѣло подъ власть гарема, Дамадъ-Гассанъ-паша былъ уволенъ, и янычары опять вошли въ милость,—все пошло по прежнему. Въ 1730 году было

новое возстаніе янычаръ и сверженіе Ахмеда III. Новый султанъ Махмудъ I (1730—1754), мягкій и нерѣшительный, а также и его преемникъ Османъ III (1754—1757) ничего не измѣнили въ политической системѣ государственнаго управленія Турціи.

Съ восшествіемъ на престолъ Мустафы III (1754—1774), казалось, наступила новая эра въ исторіи Турціи: новый султанъ твердо заявилъ о томъ, что онъ хочетъ возстановить прежній блескъ и величіе Оттоманской имперіи какъ внутри ея, такъ и по отношенію къ великимъ державамъ Европы.

Прежній грозный корпусъ янычаръ временъ Магомета II и Солемана I Великолѣпнаго, составлявшій главную военную силу оттоманской арміи, потерялъ теперь всякое подобіе войска. Число ихъ необыкновенно увеличилось, и вопреки закону въ ряды ихъ стали поступать не только дѣти христіанъ, но и сыновья свободныхъ правовѣрныхъ мусульманъ. Дальше слѣдовалъ цѣлый рядъ отступленій отъ прежнихъ организацій корпуса, сводившихъ на нѣтъ все прежнее значеніе янычаръ: они обзавелись семьями, стали заниматься ремеслами и торговлей, жили въ частныхъ домахъ столицы и т. д. Все это вмѣстѣ съ совершеннымъ отсутствіемъ дисциплины сдѣлало изъ нихъ мятежную столичную чернь, питавшую непреодолимое отвращеніе къ войнѣ и чрезвычайно падкую на кровавые дворцовые перевороты, сулившіе имъ громадные денежные бакшиши, всевозможныя награды и повышенія по службѣ.

Остальная турецкая армія, а также и флотъ находились въ состояніи такого же, если не большаго разложенія, и только территоріальная отдаленность отъ столицы не давала имъ возможности принимать участія въ государственныхъ переворотахъ имперіи.

Война 1768—74 года показала полную несостоятельность всего средневѣковаго государственнаго строя Турціи и настоятельную необходимость превращенія Оттоманскаго государства завоевателей въ современное государство.

Царствованіе Абдулъ-Гамида I (1774—80 годъ) цѣликомъ ушло на борьбу съ возстаніемъ мятежныхъ пашей, а также на подавленіе національнаго самосознанія христіанскихъ подданныхъ. Въ эти 15 лѣтъ имперія переживала

страшный внутренній кризисъ, и полное распаденіе самымъ реальнымъ образомъ угрожало ей.

Эллада, возбужденная появленіемъ русскаго флота въ 1770 году въ водахъ Эгейскаго моря, подняла знамя національнаго возстанія, которое было подавлено нашествіемъ албанцевъ. Греки не переставали волноваться во все время царствованія Абдула-Гамида I, повсемѣстно вспыхивали отдѣльныя эллинскія возстанія. Сѣверная Албанія находилась всецѣло въ рукахъ мятежнаго паши Махмуда и была охвачена кровавымъ заревомъ анархіи и возстаній. Янинскій паша Али стремился къ полному отдѣленію отъ Оттоманской имперіи и мечталъ объ основаніи самостоятельнаго государства. Въ Багдадѣ Ахмедъ-паша торжественно провозгласилъ свою независимость, а Тахеръ въ Аравіи принялъ титулъ шейка. Наконецъ Египетъ, находившійся подъ властью Магометъ-бея, отказался окончательно уплачивать дань и сталъ фактически независимымъ.

Въ самомъ концѣ царствованія Абдулъ-Гамида I разразилась новая война съ Россіей, окончившаяся уже при Селимѣ III. Въ это злополучное царствованіе былъ заключенъ первый турецкій государственный заемъ (1875 годъ), гарантированный нѣкоторыми доходами государства.

Не окрѣпшее и сильное своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ могуществомъ государство передавалъ онъ своему преемнику Селиму III, а хотя еще и обширную, но уже разлагавшуюся имперію.

Одна за другой отпадали отъ Турціи Молдавія и Валахія, Сербія, Греція, Болгарія, Бессарабія, Боснія и Герцеговина, путемъ войны, національныхъ возстаній или простого дипломатическаго рѣшенія великихъ державъ. А на ряду съ внѣшнимъ распаденіемъ Турціи продолжалось ея глубокое внутреннее разложеніе, приведшее въ 1908 г. къ окончательной гибели старую деспотическую Турцію.

* * *

Внутреннее устройство Оттоманской имперіи, которое она получила въ XVI вѣкѣ, почти не измѣнилось въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ. Отдѣльныя попытки реформъ въ эти два вѣка отличались личнымъ характеромъ, и даже блестящая дѣятельность даровитой династіи Киприли ни-

когда не выходила за предѣлы основной организаціи имперіи и частичнаго измѣненія и смягченія нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ послѣдствій ея. Подобныя попытки реформъ не были по существу реформами, а только строгимъ соблюденіемъ государственныхъ законовъ и безпощаднымъ искорененіемъ тѣхъ беззаконій, которыя основатели и организаторы турецкой имперіи Магометъ II и Солиманъ I совершенно не предвидѣли: такова была дѣятельность Мурада IV и Кеприли въ ихъ борьбѣ съ владычествомъ гарема, мятежнымъ корпусомъ янычаръ и злоупотребленіями центральной и мѣстной администраціи.

Въ реформахъ XIX вѣка мы можемъ намѣтить три главныхъ теченія и соотвѣтственно съ этимъ разбить исторію Турціи на три хронологическихъ періода.

Первый періодъ захватываетъ царствованіе Селима III (1789—1807) и Махмуда II (1808—39). Отличительной чертой его является то, что всѣ реформы этого періода касаются только чисто внѣшняго приспособленія стараго государственнаго строя XVI вѣка къ техническимъ потребностямъ времени: это главнымъ образомъ военныя реформы — онѣ преслѣдуютъ традиціонно-историческую цѣль созданія возможно болѣе гибкой и прочной организаціи деспотическаго владычества оттоманскихъ завоевателей надъ побѣжденными христіанскими народами.

Второй періодъ начинается съ царствованія Абдулъ-Меджида (1839—61); онъ охватываетъ царствованіе Абдулъ-Азиса (1861—76) и въ сущности Абдулъ-Гамида II. Здѣсь мы уже встрѣчаемся съ коренной ломкой всей основной организаціи оттоманскаго государства, и хотя почти ничто изъ всѣхъ обѣщанныхъ реформъ не было проведено въ жизнь, тѣмъ не менѣе по поставленнымъ имъ задачамъ онѣ рѣзко отличаются отъ „реформъ“ XVII и XVIII вѣка: побѣжденные уравниваются въ своихъ правахъ съ побѣдителями, и средневѣковое азіатское государство завоевателей, правда еще только на бумагѣ, исчезаетъ, а на его мѣстѣ появляется новое государство, проникнутое принципами и идеями либеральной Европы.

И наконецъ, въ самомъ началѣ царствованія султана Абдула Гамида II въ періодъ 1876—78 г. въ Турціи нарождается новое конституціонно-европейское движеніе, из-

вѣстное еще раньше подъ именемъ младо-турецкаго движенія. Эта нестройная и неорганизованная группа турецкой интеллигенціи съ цѣлымъ рядомъ внутреннихъ партійныхъ теченій, въ концѣ XIX в. превращается въ настоящую политическую партію съ ясно выраженной конституціонной и демократической программой и твердо установленной тактикой. Въ іюлѣ 1908 г. она побѣждаетъ и создаетъ молодую Турцію съ совершенно преобразованнымъ государственнымъ строемъ.

Въ 1789 году на турецкій престолъ взошелъ новый совсѣмъ еще молодой султанъ Селимъ III. Годъ его вступленія былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ и безотрадныхъ моментовъ турецкой исторіи. Теперь на оттоманскомъ престолѣ очутился чрезвычайно даровитый энергичный и великолѣпно образованный султанъ.

Политическія событія во Франціи скоро заставили Екатерину II прекратить войну съ Турціей по Ясскому миру 1793 г., и только благодаря этому чрезвычайно счастливому стеченію обстоятельствъ Турція на время отсрочила свою, казалось, уже неизбѣжную гибель. Окончаніе войны дало ей возможность приступить къ совершенно необходимымъ внутреннимъ реформамъ.

Селимъ III обратилъ все вниманіе на ужасное состояніе оттоманской арміи. Въ военныхъ преобразованіяхъ ему дѣятельно помогалъ великій визирь Кучукъ-Гуссейнъ-паша, а также великій муфтій Вели-Заде, имѣвшій громадное вліяніе на улемовъ. Селимъ III возстановилъ военныя школы и провелъ цѣлый рядъ преобразованій съ помощью французскихъ офицеровъ въ турецкой артиллеріи. Корпусъ янычаръ онъ еще боялся совершенно уничтожить и предоставлялъ французамъ его реформировать. Эти попытки оказались однако совершенно безплодными.

Наконецъ Селимъ III устроилъ настоящее регулярное войско на европейскій ладъ,—это былъ такъ называемый низамъ-джедидъ, а корпусъ янычаръ онъ рѣшилъ окончательно уничтожить. Мартовскій гатти-шерифъ 1805 г. объявлялъ о наборѣ во всей европейской Турціи молодыхъ мусульманъ отъ 20 до 26 лѣтняго возраста для включенія ихъ въ составъ низамъ-джедида. Ненавистные ему янычары такимъ образомъ окончательно уничтожались.

Этотъ султанскій указъ вызвалъ однако всеобщее возмущеніе въ странѣ, инціаторами котораго явились янычары: во многихъ городахъ онъ не былъ даже объявленъ и почти нигдѣ не приведенъ въ исполненіе, только Кади-паша въ Караманіи значительно увеличилъ составъ своего войска. Въ виду надвигающейся войны съ Россіей онъ съ 15—16 тысячами регулярной арміи перешелъ черезъ Босфоръ, намѣреваясь идти въ Придунайскія княжества. Въ Константинополѣ однако Селимъ III неосторожно задержалъ его на цѣлый мѣсяцъ, и благодаря этому роковому промедленію яначары успѣли объединиться и организовали страшное возстаніе, занявъ Адріанополь. Послѣ неудачной атаки этого города, во время которой Кади-паша потерпѣлъ пораженіе, Селимъ III вынужденъ былъ оффиціально пріостановить дѣйствіе гатти-шерифа (1805 г.); великій муфтій былъ изгнанъ, а великимъ визиремъ былъ назначенъ Ага янычаръ. Дѣло реформъ откладывалось такимъ образомъ на неопредѣленное время. Въ столицѣ затѣмъ вспыхнуло страшное возстаніе, и Селимъ III былъ низвергнутъ (1807 г.).

На турецкій престолъ взошелъ Мустафа IV (1807—08), а прежній султанъ удалился въ свой дворецъ и тамъ продолжительными бесѣдами старался внушить своему другому двоюродному брату Махмуду, впослѣдствіи императору оттоманскому сознаніе необходимости военныхъ и другихъ преобразованій.

Преданный Селиму III знаменитый рущукскій паша Мустафа-Байрактаръ, находившійся въ это время въ придунайской арміи, захвативъ съ собою великаго визиря, форсированнымъ маршемъ двинулся на Константинополь и совершилъ торжественное вступленіе въ столицу, собираясь произвести государственный переворотъ въ пользу Селима III. Это ему однако не удалось сдѣлать, такъ какъ Селимъ III былъ удавленъ своимъ двоюроднымъ братомъ. Мустафа IV былъ тѣмъ не менѣе низвергнутъ Байрактаромъ, и на оттоманскій престолъ взошелъ Махмудъ II (1808—1839 г.).

Новый султанъ вступилъ на престолъ въ тяжелое время, когда почти вся оттоманская имперія кромѣ Константинополя и ближайшихъ областей была охвачена повсемѣстнымъ сепаратистско-національнымъ движеніемъ. Болгарія находилась подъ владычествомъ мятежнаго паши Пасвана-Оглу,

Сербія вела уже четыре года открытую войну съ Портой, а вся сѣверная Албанія находилась фактически въ рукахъ могущественнаго янинскаго паши Али-Тебеленскаго, не говоря уже о Сиріи, Египтѣ и Аравіи, находившихся въ состояніи открытаго національнаго мятежа.

Ко всему этому присоединялась еще неудачная война съ Россіей (1806—12 г.), закончившаяся Бухарестскимъ миромъ, по которому Турція отдавала Бессарабію Россіи, а Молдавія и Валахія становились фактически независимыми

Начало царствованія султана Махмуда II ушло цѣликомъ на подавленіе своихъ мятежныхъ подданныхъ и водвореніе внѣшняго порядка въ государствѣ.

„Восточный вопросъ" по цѣлому ряду дипломатическихъ соображеній не могъ быть поставленъ на разрѣшеніе великихъ державъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, но въ 1821 г. онъ открылся, долго приготовлявшимся національнымъ возстаніемъ грековъ. Это возстаніе, превратившееся въ длительную междоусобную войну между Элладой и Оттоманскимъ правительствомъ, закончилось русско-турецкой войной. Побѣдоносная Россія заставила Турцію по Адріанопольскому трактату 1830 г. признать новое греческое королевство, а также полную фактическую независимость Сербіи.

Въ 1831 г. противъ Махмуда II возсталъ самый могущественный изъ его вассаловъ, а именно Мехмедъ-Али-паша, владыка Египта. Онъ потребовалъ отъ оттоманскаго императора Сирію и Анатолію, которыхъ онъ уже давно добивался. Его сынъ Ибрагимъ послѣ цѣлаго ряда блестящихъ побѣдъ въ Сиріи сталъ угрожать самому Константинополю. Махмудъ II обратился за помощью къ императору Николаю I, которую тотъ ему и оказалъ, заключивъ послѣ этого знаменитый договоръ Ункіаръ-Скелесси 8-го іюля 1833 г. Русское вліяніе на Оттоманскую имперію достигло своего апогея: по этому договору Россія и Турція заключали между собою оборонительный и наступательный союзъ на 8 лѣтъ и обязались помогать другъ другу противъ всякой внутренней и внѣшней опасности.

На фонѣ всѣхъ этихъ событій развертывается реформаторская дѣятельность Махмуда II. Этотъ султанъ по своимъ убѣжденіямъ стоялъ гораздо выше окружащщей его придворной черни. Селимъ III своими бесѣдами впервые

познакомилъ его съ основными принципами европейской цивилизаціи и внушилъ ему страшную ненависть къ янычарамъ и дворцовой камарильѣ. Въ первую половину царствованія Махмудъ II вынужденъ былъ скрывать свой радикальный образъ мыслей, но затѣмъ онъ дѣятельно приступилъ къ реформамъ.

Прежде всего послѣдовала полная реорганизація оттоманской арміи: были приглашены европейскіе офицеры въ качествѣ инструкторовъ, морская артиллерійская и инженерная школы, основанныя еще въ XVIII в., были вновь возстановлены, и молодые турецкіе офицеры стали посылаться въ Европу для окончанія своего военнаго образованія.

Въ другихъ областяхъ государственнаго управленія онъ заботился объ улучшеніи путей сообщенія, первый ввелъ въ странѣ почтовыя учрежденія, приказалъ издавать въ столицѣ оффиціозную газету „Moniteur Ottoman“ (1831 г.). Кромѣ того, онъ впервые учредилъ посольскія миссіи при нѣкоторыхъ дворахъ (Англіи, Франціи, Австріи).

На ряду съ такими болѣе или менѣе существенными реформами этотъ султанъ усвоилъ себѣ чисто европейскую внѣшность и запретилъ ношеніе тюрбановъ на головѣ, самъ одѣвался по европейски, да и другихъ старался пріучить къ этому, устраивалъ балы, концерты и всевозможныя увеселенія на европейскій ладъ и сталъ чеканить имперскую монету со своимъ изображеніемъ на ней, что явно противорѣчило установленному въ Коранѣ запрещенію изображенія человѣческаго лица въ какомъ бы то ни было видѣ.

Послѣ смерти Махмуда II турецкій престолъ занялъ его сынъ Абдулъ-Меджидъ (1839—61). Новый султанъ, воспитанный въ европейскомъ духѣ, былъ человѣкъ гуманный, мягкій, но въ то же время совершенно безвольный и легко поддавался самымъ разнообразнымъ вліяніямъ.

Съ его царствованіемъ вступаемъ мы въ новый періодъ реформаціонныхъ теченій Турціи. Дарованіе христіанамъ полнаго равноправія и уничтоженіе такимъ образомъ прежняго дѣленія на правовѣрныхъ побѣдителей и невѣрныхъ побѣжденныхъ составляетъ новую эру въ исторіи Турціи. На самомъ дѣлѣ это была только „революція принциповъ“, такъ какъ большая часть этихъ реформъ никогда и не приводилась въ исполненіе, а энергичная дѣятель-

ность такихъ истинныхъ реформаторовъ, какъ Решидъ, Фуадъ и Аали пашей въ концѣ концовъ сошла на нѣтъ благодаря послѣдующей реакціонной политикѣ ихъ преемниковъ. Этотъ періодъ государственныхъ реформъ охватываетъ всю эпоху отъ воцаренія Абдулъ-Меджида съ 1839 г. и до послѣдняго турецкаго переворота въ 1908 г.; характерной чертой его является постоянное вмѣшательство, военное и дипломатическое, великихъ державъ во внутреннія дѣла оттоманской имперіи съ цѣлью проведенія необходимыхъ для христіанскаго населенія реформъ.

Махмудъ II умеръ черезъ 6 дней послѣ битвы при Незибѣ, гдѣ оттоманская армія потерпѣла пораженіе отъ своего вассала Мехмеда-паши, возставшаго противъ своего верховнаго повелителя. Побѣдоносная кампанія этого мятежнаго паши угрожала окончательнымъ разрушеніемъ всей оттоманской имперіи, а слѣдовательно и равновѣсію европейскаго концерта.

Въ эту междоусобную войну вмѣшались великія державы: 27 іюля 1839 г. Россія, Англія, Франція, Австрія и Пруссія заявили, что берутъ Высокую Порту подъ свое коллективное покровительство, и что ей рекомендуется „не принимать никакого окончательнаго рѣшенія безъ ихъ содѣйствія и выжидать послѣдствій участія принимаемаго ими въ ея судьбѣ“. Послѣ этого всякія военныя дѣйствія сразу прекратились. Въ теченіе двухъ лѣтъ шли продолжительныя дипломатическіе переговоры, приведшіе въ концѣ концовъ къ усмиренію мятежнаго паши. Ункіаръ-Скелесскій договоръ, которому въ 1841 г. истекъ срокъ, больше не возобновлялся.

Реформаціонная дѣятельность Абдулъ-Меджида началась съ изданія 3-го ноября 1839 г. знаменитаго гюльханскаго гатти-шерифа.

Главныя положенія этого акта сводятся къ слѣдующему: всѣмъ подданнымъ оттоманской имперіи отнынѣ гарантировалась жизнь, честь и собственность отъ чьихъ бы то ни было посягательствъ; христіане и мусульмане объявлялись равноправными; дальше слѣдовала реорганизація податной системы въ духѣ болѣе справедливаго и равномѣрнаго обложенія, сообразно съ податными силами населенія и реформы въ военной службѣ.

* * *

Въ 1853 году между Россіей и Турціей вспыхнула по вопросу о Святыхъ мѣстахъ война, вызвавшая европейское вмѣшательство. На сторону Турціи стали Англія и Франція, впослѣдствіи къ нимъ примкнули еще Австрія и Сардинія. Результатомъ этой войны явился Парижскій трактатъ 18—30 марта 1856 года, заключенный на Парижскомъ конгрессѣ великихъ державъ. Это былъ первый конгрессъ, на которомъ присутствовали представители оттоманской имперіи. Цѣлость и неприкосновенность оттоманской имперіи, а также и независимость суверенитета султана были торжественно признаны Парижскимъ трактатомъ.

Въ связи съ Парижскимъ конгрессомъ и подъ явнымъ давленіемъ Англіи и Франціи 18 февраля 1856 г. Абдулъ-Меджидъ обнародовалъ султанскій гатти-гюмайюнъ. Въ торжественной формѣ передъ лицомъ своей имперіи и всего цивилизованнаго міра Блистательная Порта подтверждала на вѣковѣчныя времена равноправіе мусульманъ съ христіанами и навсегда отмѣняла всевозможныя религіозныя національныя ограниченія и привилегіи. Гатти-гюмайюнъ 1856 г. шелъ гораздо дальше постановленій гатти-шерифа 1839 г., открывая христіанамъ доступъ на всѣ государственныя и административныя должности до великаго визиря включительно. Оттоманская армія должна была набираться теперь какъ изъ мусульманъ, такъ и изъ христіанъ. Христіане получали право имѣть своихъ представителей въ государственномъ совѣтѣ. Этотъ же удивительный манифестъ обѣщалъ въ самомъ непродолжительномъ будущемъ кодификацію всѣхъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, реорганизацію всей государственной администраціи, путей сообщенія и т. д.

Но громадная часть этого прекраснаго проекта осталась въ султанской канцеляріи и не увидѣла своего осуществленія. Этотъ манифестъ 1856 года былъ встрѣченъ дружной упорной оппозиціей всей оттоманской бюрократіи и мусульманскаго духовенства и, что особенно удивительно, со стороны нѣкоторыхъ слоевъ христіанскаго населенія: такъ напр., военная реформа, открывавшая входъ христіанамъ въ оттоманскую армію встрѣтила противодѣйствіе со стороны самихъ христіанъ, предпочитавшихъ старую систему денежнаго откупа.

Затѣмъ полное проведеніе въ жизнь принциповъ равно-

правности несомнѣнно грозило уничтоженіемъ нѣкоторыхъ особыхъ привилегій, дарованныхъ отдѣльнымъ христіанскимъ религіознымъ общинамъ, а этого совершенно не желали верховные пастыри греческой церкви.

Изъ всѣхъ реформъ на самомъ дѣлѣ въ 1857 году были только учреждены два новыхъ министерства народнаго просвѣщенія и юстиціи и назначено нѣсколько новыхъ либеральныхъ чиновниковъ, между ними знаменитый впослѣдствіи дѣятель младо-турецкой партіи Мидхатъ-паша.

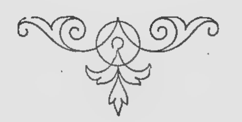
Въ 1861 году, послѣ смерти Абдулъ-Меджида, на оттоманскій престолъ вступилъ его сынъ Абдулъ-Азисъ (1861—76 гг.). Новый султанъ въ своемъ первомъ гаттишерифѣ, обращенномъ къ великому визирю, вполнѣ опредѣленно заявилъ о своемъ твердомъ и неуклонномъ рѣшеніи продолжать реформы своего отца. Затѣмъ онъ упразднилъ гаремъ и заявилъ о своемъ желаніи жить только съ одной женою. Но несмотря на весь его первоначальный реформаторскій пылъ—это былъ типичный азіатскій деспотъ, распутный, безвольный, жестокій и тщеславный. Въ первую половину его царствованія до 1871 года государственное управленіе оттоманской имперіи находилось въ надежныхъ твердыхъ рукахъ просвѣщенныхъ государственныхъ дѣятелей—Фуада-паши и Аали-паши, представителей Турціи на Парижскомъ конгрессѣ.

До 1866 г. великимъ визиремъ былъ Фуадъ-паша. Онъ обратилъ главное вниманіе на печальную картину оттоманскихъ финансовъ и административную дезорганизацію имперіи. Государственная казна была совершенно истощена чудовищнымъ казнокрадствомъ турецкаго чиновничества и колоссальными суммами, отпускаемыми на султанскій гаремъ, снова возстановленный Абдулъ-Азисомъ и достигшій къ концу его царствованія небывалыхъ размѣровъ (до 900 женъ и 3000 слугъ). Всѣ остальныя суммы шли на подавленіе цѣлаго ряда возстаній христіанскихъ подданныхъ имперіи. Еще при Махмудѣ II 1830 г. впервые были выпущены бумажныя деньги; послѣдующіе султаны воспользовались этой „блестящей идеей", и вскорѣ Турція была совершенно наводнена чрезмѣрными выпусками кредитныхъ билетовъ. Единственнымъ реальнымъ результатомъ финансовыхъ реформъ Фуада-паши было учрежденіе въ Константинополѣ

оттоманскаго банка въ 1865 г., основаннаго англійскими и французскими капиталистами. Въ области государственнаго управленія Фуадъ-паша предпринялъ смѣлую реформу: полнаго отдѣленія административной власти отъ судебной. Въ каждомъ изъ административныхъ подраздѣленій имперіи онъ устроилъ суды и особые административные совѣты, однако и эта реформа практически потерпѣла крушеніе.

Но быстрыми и неизбѣжными шагами шла средневѣковая и восточная деспотическая Турція къ гибели, и никакія героическія усилія талантливыхъ реформаторовъ не могли остановить неизбѣжнаго хода историческихъ событій.

Г. М.

Политическія партіи въ Болгаріи.

II.

Румелійскія партіи (въ Южной Болгаріи).—Національно-болгарская (народная) партія и борьба ея съ другими народностями (греками, турками) за преобладаніе.—Раздѣленіе народной партіи на „казенныхъ“ и „соединистовъ“-руссофиловъ (народняковъ) *).

Въ Южной Болгаріи, бывшей Восточной Румеліи, до соединенія ея съ Сѣверной Болгаріей образованіе и развитіе политическихъ партій шло нѣсколько инымъ путемъ, чѣмъ въ княжествѣ.

Въ Восточной Румеліи роль западно-европейскихъ державъ была значительнѣе, и потому вліяніе ихъ на мѣстную жизнь сказывалось рѣзче. При этомъ интернаціональный характеръ государственнаго устройства автономной области давалъ широкія права, кромѣ болгаръ, также грекамъ, туркамъ, армянамъ и евреямъ. Для англійской дипломатіи въ Филиппополѣ было больше простора для противорусской дѣятельности.

До освободительной войны и въ Южной Болгаріи было такое же раздѣленіе, общественныхъ группъ на „старыхъ“ и „молодыхъ“, какъ и въ Сѣверной Болгаріи и Македоніи, ибо все это были части одного національно-этнографическаго тѣла, составлявшаго по русскому проекту С. Стефанскую Болгарію. Но когда этому проекту не суждено было осуществиться, и когда болгары въ Восточной Румеліи убѣдились, что ихъ особое положеніе автономной области рѣшено безповоротно, рѣшили примѣняться къ установленному status quo и использовать его легальнымъ образомъ для своего національнаго дѣла.

---

*) См. „Слав. Изв.“ 1909 г., кн. 7, стр. 914 слл.

Западно-европейская дипломатія въ началѣ искренно заблуждалась относительно этнографическаго состава населенія Южной Болгаріи. Англійскій представитель искренно вѣрилъ, что болгаръ въ „области", если не меньшинство, то во всякомъ случаѣ не больше грековъ и турокъ, и поэтому такъ называемая „европейская коммиссія" послѣ девятимѣсячнаго труда выработала такой органическій уставъ (основной законъ), который предусматривалъ полное равенство болгаръ, грековъ и турокъ и ихъ трехъ языковъ, какъ государственныхъ въ Восточной Румеліи.

Этотъ „органическій уставъ" представлялъ собою съ одной стороны широко-либеральную конституцію для области, съ другой стороны такъ подробно регламентировалъ политическое и финансово-административное устройство области, административныя права султана по назначенію высшихъ должностныхъ лицъ и высшему контролю управленія, а для обезпеченія „органическаго устава" отъ измѣненій предусмотрены такія сложныя формальности, что все вмѣстѣ взятое въ самомъ себѣ содержало зародышъ ненормальности созданнаго положенія, источникъ постоянныхъ недоразумѣній.

Генералъ-губернаторомъ Восточной Румеліи былъ назначенъ высокій турецкій сановникъ Алеко-паша (князь Богориди) по происхожденію болгаринъ, и въ первые годы онъ былъ преданъ Россіи.

Всѣ болгары („старые" и „молодые") соединились въ одно и образовали одну „народную" болгарскую партію, которая энергично начала бороться на выборахъ съ другими народностями.

Партійныхъ различій и раздоровъ между болгарами тогда еще не существовало. Первые выборы дали поразительные результаты. Болгары пріобрѣли и въ областномъ собраніи и въ городскихъ управленіяхъ, провинціальныхъ совѣтахъ 85—90% мѣстъ. Постепенно болгарская „народная" партія заняла мѣста въ областной директоріи, въ городскихъ совѣтахъ; а это въ свою очередь повлекло за собою занятіе болгарскимъ элементомъ чиновничьихъ мѣстъ и офицерскихъ должностей въ арміи. Такимъ образомъ за первые 3—4 года интернаціональная, по замыслу Западной Европы, Восточная Румелія постепенно приняла чисто національно-

болгарскій обликъ, что вполнѣ соотвѣтствовало численному превосходству въ области болгарскаго элемента.

Англійскій представитель увидѣлъ безпредметность своихъ интригъ противъ Россіи черезъ грековъ и турокъ; тогда онъ перемѣнилъ тактику; англичане начали выказывать себя друзьями и доброжелателями. Они начали искать опору среди болгаръ, выискивая между ними недовольные элементы. Обстоятельства благопріятно складывались для нихъ.

Князь Александръ Батенбергскій учинилъ въ Болгаріи государственный переворотъ: „суспендировалъ" (пріостановилъ) конституцію и началъ управлять страной самовластно. Въ Восточной Румеліи началась жестокая агитація противъ „узурпатора" Батенберга. Агитація эта велась бѣжавшими сюда изъ княжества эмигрантами во главѣ съ Петко Каравеловымъ.

Генералъ-губернатора старика Богориди увлекла мысль сдѣлаться послѣ сверженія Батенберга болгарскимъ княземъ. Эту несчастную мысль поддерживали въ немъ англійскій агентъ и болгарскіе радикальные элементы, особенно П. Каравеловъ, который благодаря этому всецѣло овладѣлъ довѣріемъ Богориди.

Въ обществѣ и мѣстной прессѣ проводилась мысль, что такъ называемыя „полномочія" князя Батенбергскаго— дѣло рукъ Россіи,—а что это такъ, приводили въ доказательство фактъ, что русскіе генералы были тогда министрами Батенберга.

На этой почвѣ болѣе радикальные элементы сближались съ генералъ-губернаторомъ Алеко-пашой (Богориди), устраивались на хорошо оплачиваемыхъ государственныхъ должностяхъ и агитировали противъ Россіи. Элементы болѣе умѣренные и вліятельные въ народѣ не поддавались англійскимъ интригамъ, оставаясь вѣрными національнымъ завѣтамъ „народной" партіи всегдашней преданности Россіи. Мечты Богориди сдѣлаться болгарскимъ княземъ оттолкнули умѣренные элементы отъ него; они пошли въ народъ и тамъ искали опоры, агитируя за соединеніе съ княжествомъ Болгаріи.

Такимъ образомъ начали обозначаться двѣ южно-болгарскія партіи, на которыя раскололась огромная народная

партія. Первые,—болѣе либеральные элементы,—западники, но менѣе вліятельные въ народѣ получили названіе „казенныхъ“ (видные представители этой партіи: д-ръ Странскій, Д. Тончевъ и покойный Чомаковъ), ибо всѣ группировались около Алеко-паши (князя Богориди) и были на казенной службѣ; ихъ противники, болѣе умѣренные элементы, оставшіеся вѣрными народной партіи, названы были „соединистами“, такъ какъ на слѣдующихъ выборахъ въ областное собраніе агитировали за соединеніе Южной Болгаріи съ Сѣверной. Вожаками соединистовъ были покойный Величковъ, Ив. Гешевъ, нынѣшній глава народной партіи, извѣстный ученый, публицистъ и славянофилъ Ст. Бобчевъ, Маджаровъ.

Въ 1884 году произошли общіе областные выборы, кончившіеся и для Алеко-паши, для его фантазій о болгарской коронѣ и для „казенныхъ“ весьма плачевно. На этихъ выборахъ одержали полную побѣду „соединисты—народники“.

Генералъ-губернаторомъ области на слѣдующее пятилѣтіе былъ назначенъ Гавріилъ-паша (Крьстовичъ) тоже болгаринъ, а директорію (министерство) составили „соединисты“. Къ тому времени Каравелова и другихъ эмигрантовъ изъ Сѣверной Болгаріи уже не было; они возвратились въ княжество, гдѣ тырновская конституція была возстановлена.

Роли „казенныхъ“, потерявшихъ власть, и „соединистовъ“, ставшихъ у кормила правленія, перемѣнились. Первые начали агитировать о соединеніи; „соединисты“ же говорили: мы тоже за соединеніе, но нужно ожидать благопріятнаго момента—согласія на это Россіи (не му е дошло врѣмето).

Однако народъ былъ вполнѣ подготовленъ къ соединенію. Онъ не могъ понять, чтобы Россія была противъ соединенія, та Россія, которая столько жертвъ принесла для освобожденія всей Болгаріи. Конечно, русская дипломатія опасалась допустить соединеніе, „что нарушило бы Берлинскій договоръ и причинило бы непріятность западной Европѣ“.

Англичане разсуждали иначе. Они были противъ идеи соединенія, пока видѣли, что это можетъ быть дѣломъ рукъ Россіи, но когда убѣдились въ противномъ, они и австрійцы

съ необычайной энергіей поддержали происшедшее соединеніе.

Любопытно, что въ первые дни провозглашенія „соединенія“ дипломаты враждебныхъ между собою великихъ державъ взаимно другъ друга подозрѣвали въ подстрекательствѣ болгаръ. Потомъ объяснилось, что это соединеніе сдѣлано было группой офицеровъ южно-болгарской милиціи вмѣстѣ съ нѣкоторыми „казенными“ и прибывшими изъ сѣверной Болгаріи делегатами князя Батенбергскаго. Послѣдній обѣщалъ полное свое содѣйствіе и покровительство предпріятію.

Идея соединенія была настолько популярна въ народѣ, что когда среди офицеровъ и „казенныхъ“ составилось тайное общество съ цѣлью произвести соединеніе хотя бы и путемъ революціи,—правительство „соединистовъ“ не рѣшилось принять строгихъ мѣръ противъ заговорщиковъ. Мягкость управленія соединистовъ доходила до попустительства. Впослѣдствіи ихъ политическіе противники не такъ мягко обошлись съ ними послѣ соединенія.

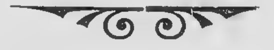
Какъ и слѣдовало ожидать, въ одинъ прекрасный день „заговоръ“ разрѣшился безкровной революціей въ Филиппополѣ и провозглашеніемъ соединенія южной Болгаріи съ сѣверной. Правительственная власть была захвачена „казенными“ и офицерами; генералъ-губернатора арестовали и выслали за границу (онъ уѣхалъ въ Константинополь).

Такъ окончилась недолгая жизнь „Восточно-Румелійской автономной области“.

Въ дальнѣйшей политической жизни соединеннаго княжества „румелійскія“ партіи слились съ сѣверо-болгарскими.

К. Бербенко.

Окончаніе слѣдуетъ.

Изъ славянскихъ поэтовъ.

Андрей Немоевскій.

Идиллія.

Ужъ солнце склоняетъ багровый високъ,
Челомъ поникаетъ къ долинамъ.
„Малютка, дай руку. Темнѣетъ востокъ.—
„Сегодня вѣнчаться итти намъ".

Лѣсъ—сумракъ костела, далекій органъ
И тѣней сѣдыя громады.
Вершины поютъ, и курится туманъ,
И ночь зажигаетъ лампады.

А ризничій—вѣтеръ мететъ и шумитъ,
Алтарь убираетъ вѣнками.
Ужъ мѣсяцъ, ксендзъ-пробощъ, исполнить спѣшитъ
Обрядъ обрученья надъ нами.

Онъ—ласковый, блѣдный, больной старичокъ,
Стихарь его туча сѣдая.—
Далъ знакъ запѣвало, крылатый дьячокъ,
И грянула пѣвчая стая.

Вотъ вѣтеръ шепнулъ тебѣ: любишь иль нѣтъ?
Ты слово изъ устъ уронила.—
И тотчасъ подслушало эхо—сосѣдъ,
Счастливый отвѣтъ подхватило.

Ночныя примѣты намъ счастье сулятъ,
Шумятъ благосклонно вершины,

Цвѣты расцвѣтаютъ и льютъ ароматъ,
Звенятъ соловьиные гимны.

И всюду поетъ и несется: „приди
„На праздникъ, любовью богатый"...
Гостямъ ужъ нѣтъ счета—стоятъ, впереди
Дубъ—пращуръ сѣдой и косматый.

И звѣзды мигаютъ--ты знаешь кому?—
И мѣсяцъ подходитъ, косится:
Знать, хочется выпить до смерти ему,
Да только сказать онъ боится.

И пляшутъ русалки и вьются, какъ дымъ,
Подъ музыку пѣсни дубравной...
Но пиръ ужъ покинуть пора молодымъ,—
Альковъ приготовленъ вѣнчальный.

Взгляни же, малютка, и руку мнѣ дай,
Вѣдь счастье не встрѣтится позже.
Въ зеленомъ дворцѣ принимаетъ насъ май
На теплое мшистое ложе.

Средь ласкъ и объятій уснемъ мы... Но жаль—
До новаго утра лишь только,
Пока свѣтлыхъ грезъ не прогонитъ печаль,
Любовь не покажется горькой.

Пока не проснемся для слезъ и тюрьмы,
И жизнь не подрубитъ намъ крылій,
Пока не признаемся сами, что мы
Совсѣмъ сумасшедшіе были.

Съ польскаго перевелъ

Н. Макридинъ.

Изъ Бранка Радичевича.

I.

Дѣвушка у колодца.

Шла вечоръ я за водою,—
Возвращаюсь—а за мною,
Слышу, топотъ раздается,
Добрый молодецъ несется;
„Здравствуй“—молвитъ онъ—„дѣвица,
Одолжи-ка мнѣ напиться!“
Грудь лебяжью, что́ стрѣлою,
Поразилъ онъ рѣчью тою.
Съ кувшиномъ къ нему лечу я,
Напоить его хочу я.
Подбѣжала—задрожала,
Кувшина не удержала,
На куски онъ разлетѣлся...
Гдѣ-же тотъ, мой соколъ, дѣлся?...
А прискачетъ, какъ намедни,—
Пропадай кувшинъ послѣдній!...

II.

Ранній путникъ.

Тутъ, въ горахъ, и тамъ, въ долинѣ,
Тишина царитъ ночная,
Лишь ручей звенитъ въ лощинѣ,
По камнямъ съ горы сбѣгая,

Да бубенчикъ раздается,
Да пѣтухъ горланитъ гдѣ-то,
Да о томъ, что день начнется,
Говоритъ полоска свѣта.

Вотъ и зорька за горами
Встала; путникъ въ этотъ мигъ
Брелъ по скаламъ, межъ кустами,
Но вершины не достигъ.

А наверхъ-то лишь взошелъ онъ,
Солнце въ очи какъ заблещетъ!...
Онъ глядитъ, восторга полонъ,
Все поетъ въ немъ, все трепещетъ:

„Гой, ты, солнце золотое,
Что̀ туманы разгоняешь,
Гой, ты, небо голубое,
Что̀ росу намъ посылаешь,

Гой, ты, роща, что̀ лелѣешь
Стаи птичекъ голосистыхъ,
Гой, ты, лугъ, что̀ зеленѣешь,
Весь блестя въ цвѣтахъ росистыхъ,

Стадо милое, ягнята,
Звукъ свирѣли безмятежный,
Вѣтеръ, полный аромата,—
Всѣмъ вамъ, всѣмъ привѣтъ мой нѣжный!

И тебѣ, моя родная,—
Мы одни съ тобой на свѣтѣ!...
Приходи же, дорогая,
И обнимемся, какъ дѣти!“

III.

Отъ ночи до ночи.

Алой зорьки лучъ пригожъ,
День сіяющій хорошъ,
Милы сумерки, но все же
Мракъ ночной всего дороже.

Выйдешь на берегъ тихонько,
Толканешь челнокъ легонько,
Схватишь въ руки два весла—
И помчался, какъ стрѣла!

Вотъ ужъ близко къ серединѣ—
Тамъ, гдѣ кружитъ въ котловинѣ;
Ну-ка, весла, выручайте,
Силы неба, помогайте!

Челнъ скользитъ неутомимо,
Стѣны скалъ несутся мимо,—
Позади водоворотъ,
Время дѣлать поворотъ.

Прямо къ берегу я правлю,
Челнъ въ заливчикѣ оставлю,
Лихо на берегъ вскочу,
Къ дому милой полечу.

Постучусь—и, замирая,
Я въ отвѣтъ услышу: „Кто тамъ?..“
И сейчасъ ты, поджидая,
Вѣрно, бѣгала къ воротамъ?

Поскорѣй бы солнце скрылось,
Да скорѣй бы ночь глухая,
Чтобъ недолго ты томилась
Ожиданьемъ, дорогая!

IV.

Шалость.

По горѣ идетъ, красуясь,
Молодой повѣса;
Солнце, молодцемъ любуясь,
Смотритъ изъ-за лѣса.

А съ горы бѣжитъ дорожка,
Внизъ, къ ручью, сбѣгаетъ,
И красотка-босоножка
Въ немъ бѣлье стираетъ.

Видитъ дѣвушка красавца,
Говоритъ задорно:

„Ты бъ, дорожка, внизъ лукавца
Привела покорно!"

А сама—за кустъ сосѣдній...
Молодецъ не дремлетъ,
Тутъ (онъ думаетъ) не бредни,
И совѣту внемлетъ;

Говоритъ: „Не зналъ доселѣ
О такомъ я чудѣ,
Чтобъ соловушки умѣли
Говорить, какъ люди!"

Внизъ бѣжитъ и межъ кустами
Ищетъ торопливо
Соловья надъ соловьями,
Соловья на диво!

А красавица какъ вскочитъ
Изъ своей засады!
Ужъ не къ матери ли хочетъ
Убѣжать съ досады?

И бѣлье-то позабыла,
Да скорѣе въ гору;
Тамъ ли мать—отвѣтить было
Мудрено въ ту пору.

Онъ—за ней; предъ нимъ мелькаетъ
Платье босоножки,
По колѣна открываетъ
Бѣленькія ножки;

„Брось"—кричитъ онъ—„всѣ усилья,
Все—равно, поймаю!
Не спасли бъ тебя и крылья,—
Ихъ и нѣтъ, я знаю!"

Подбѣгаетъ онъ поближе,
Хвать ее, какъ рыбку;
Та кричитъ: „Пусти! пусти же!"
Да въ траву, подъ липку.

А по травкѣ покататься—
Что за наслажденье!
По зеленой поваляться—
Что за упоенье!

Вѣтерокъ шныряетъ близко;
Затаивъ улыбку,
Наклонилось солнце низко
И глядитъ подъ липку.

Шепчетъ липка, прикрывая
Парочку ревниво:
„Солнце, солнце! Наблюдая,
Будь ужъ молчаливо!“

Съ сербскаго перевелъ
Н. Новичъ.

Смерть Чайки.

Изъ поэмы Гвѣздослава „Жена лѣсника“.

Смерть, какъ нежданный, легкій сонъ,
На Чайку стараго слетѣла.
То было на святого Яна.
Проснулся, какъ всегда, онъ рано.
Заря едва-едва свѣтлѣла,
И синь былъ темный небосклонъ.
Всталъ свѣжъ, здоровъ и веселъ онъ,
Хоть и смотрѣлъ на Божій свѣтъ
Ужъ цѣлыхъ восемьдесятъ лѣтъ.—
Такъ говорилъ не разъ онъ самъ.
Когда бывало мимоходомъ
Онъ передъ солнечнымъ заходомъ
Зайдетъ въ сторожку къ пастухамъ
О томъ, о семъ поговорить,
Съ друзьями трубку раскурить
И посмотрѣть, какъ тамъ живая
Рѣзвится юность удалая.

Ему былъ милъ пастушій кругъ,
Любилъ онъ слушать звукъ свирѣли,
Ея задумчивыя трели
На голосъ: „Старый я пастухъ“.
И если тутъ, на старца глядя,
Его, бывало, спросятъ вдругъ:
„А сколько лѣтъ вамъ будетъ, дядя“?
Промолвитъ тихо онъ въ отвѣтъ:
„Мнѣ полныхъ восемьдесятъ лѣтъ“.

Да, восемьдесятъ лѣтъ—не малость.
Невольно клонитъ насъ усталость.
Но онъ на диво сохранился
И вставши долго не возился,
Поспѣшно башмаки надѣлъ,
Ремнёмъ онучи обвертѣлъ,
Увѣренно и нелѣниво
Кожухъ на плечи натянулъ,
Его проворно застегнулъ.
Въ карманы положилъ огниво,
Чтобъ было чѣмъ огонь развесть,
Туда, сюда пошелъ, порылся—
Куда-то, видно, торопился,—
Въ умѣ провѣрилъ, все-ли есть,
И вспомнилъ: на стѣнѣ большая
Висѣла сумка мѣховая.
Ее съ крючка онъ тотчасъ снялъ,
Слегка встряхнулъ, винтовку взялъ
(Своей женой ее онъ звалъ;
Она ему служила вѣрно
И цѣлила всегда примѣрно),
Ягташъ охотничій съ ружьемъ
Себѣ повѣсилъ за плечомъ,
Немного покряхтѣвъ притомъ,
И изъ избушки вышелъ. Двери
На ржавыхъ петляхъ заскрипѣли,
А онъ, какъ бы боясь, что можетъ
Сонъ ночи лѣтней потревожитъ,
Ихъ тихо, тихо затворилъ
И на колечко заложилъ.

И вверхъ взглянулъ: надъ нимъ ночное
Синѣло небо голубое.
Прозраченъ воздухъ былъ. Ни тучъ,
Ни облачка. Разсвѣта лучъ
Дрожа сверкнулъ ему въ глаза,
И съ нихъ скатилася слеза.
Здоровой свѣжестію вѣя,
Холодный, крѣпкій вѣтерокъ
Ему обдулъ морщины щекъ
И поднялъ волосы, лелѣя
Шелкъ рѣдкій старческихъ кудрей.
Дрожь пронимала до костей.
Но онъ смущенъ былъ этимъ мало:
Его иное занимало.
Тамъ въ сторонѣ, гдѣ былъ заборъ,
Колода на дворѣ лежала.
Въ нее воткнулъ вчера топоръ.
Нащупавъ дряхлою рукою,
Его онъ вынулъ, хоть съ трудомъ,
И мелкимъ старческимъ шажкомъ
Пошелъ змѣистою тропою
Туда, гдѣ на краю небесъ
Темнѣлъ въ ущельѣ горномъ лѣсъ.
Высоко жаворонокъ взвился
И пѣснью звонкою залился,
Смутивши утренній покой,
Но онъ не слышалъ пѣсни той.
Зато, когда волной душистой
Вдругъ набѣжавшій вѣтра валъ
Изъ лѣсу дальняго примчалъ
Дыханіе сосны смолистой,
Почуявъ воздухъ этотъ чистый,
Онъ вдругъ закашлялъ. Долгій путь,
А, можетъ-быть, и утомленье
Одышкою стѣснили грудь.
Но это длилось лишь мгновенье.
Минуты двѣ онъ переждалъ
И, опираясь на чупагу *),

---

*) Длинная палка, заканчивающаяся топорикомъ.

Опять, какъ прежде, зашагалъ.
Ягташъ охотничій съ ружьемъ
Вновь заболтались за плечомъ.
А вотъ ужъ и конецъ оврагу!
Шумитъ весеннимъ шумомъ лѣсъ.
Туда вошелъ онъ,—и исчезъ.
Шумя, надъ нимъ качались ели,
Да пѣсню жаворонки пѣли.

Что было далѣе, какъ знать!
Объ этомъ можно лишь гадать.
Есть на горахъ лужокъ. Крутая,
Горой стремнистою взбѣгая,
Туда ведетъ тропа лѣсная.
По ней пришелъ онъ на лужокъ,
И здѣсь прилегъ ли на часокъ,
Иль трубку захотѣлъ набить—
Охотникъ былъ онъ покурить,—
А, можетъ, на опушкѣ бора
Остановился для дозора,—
Какъ угадать! Средь разныхъ мнѣній
Въ одномъ не можетъ быть сомнѣній:
Еще въ тотъ самый день, когда
На пастбище зашли сюда
Овецъ волнистыя стада,
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ, змѣей блестящей
Теряяся въ лѣсной дали,
Бѣжитъ ручей звонкожурчащій,
Его здѣсь пастухи нашли.
Подъ тѣнію косматой ели
На шелковистой мховъ постели
Сидѣлъ онъ, къ дереву склоненный,
Съ главой, откинутой назадъ.
Куда-то въ небо устремленный
Былъ неподвиженъ тусклый взглядъ.
Все тихо, нѣмо, пусто было.
Тѣнь синяя уста покрыла.
На желтомъ мраморѣ чела,
Гдѣ дума смерти залегла,
Двѣ капельки росы дрожали

И съ солнечнымъ лучомъ играли,
Что сквозь лучей густую сѣть
Сюда пробился поглядѣть
На старца въ часъ его кончины.
Волосъ немногія сѣдины,
Ласкаемыя вѣтеркомъ,
Прильнули къ темной, старой ели
И сами стали какъ бы мхомъ.
И члены всѣ оцѣпенѣли,
И смерти духъ царилъ кругомъ.
Ружье съ нетронутымъ зарядомъ
Валялось тутъ же съ сумкой рядомъ.
Рука схватилась за кожухъ,
Другая на-землю упала
И трубку все еще сжимала,
Хоть въ ней давно огонь потухъ.
Всѣ мигомъ къ Чайкѣ подбѣжали,
Звать начали, въ бока толкали,
Водою брызгали, кричали,
Съ земли подняли и качали...
Но ужъ погасъ въ немъ жизни духъ.
Тогда изъ темныхъ сучьевъ ели
Сплели носилки, какъ умѣли,
И стадо поручивши псамъ,
Ихъ зорко-опытнымъ глазамъ,
Трупъ на носилки подняли,
И подъ покровомъ чащи влажной
Пошли безмолвно, тихо, важно
И тѣло въ хату отнесли.

И нѣтъ ужъ Чайки моего!
Исчезъ навѣкъ. Такъ тѣнь мелькаетъ,
Такъ звукъ безслѣдно замираетъ.
Прокатится,—и нѣтъ его!

Съ словацкаго перевелъ.
Андрей Сиротининъ.

Дмитрій Вергунъ.

У раки Земляка Святого *).

Въ древнѣйшемъ соборѣ Кремлевой Москвы
Гробница святая стоитъ.
Лампада надъ нею, у самой главы,
Немеркнущимъ свѣтомъ горитъ.

Въ лучистомъ сіяньи здѣсь мощи лежатъ
Того, кто построилъ сей храмъ.
Пришельцу съ предгорья далекихъ Карпатъ
Вся Русь здѣсь кадитъ ѳиміамъ.

Здѣсь онъ съ Калитою готовили рать,
Намѣтивъ удачный тотъ путь,
Какъ русскія земли въ-едино собрать,
Татарское иго свергнуть.

И чудо свершилось святаго Петра:
Сплотились князья при Донскомъ,
И спала чужого насилья кора,
И новый начался подъемъ.

Великой и Малой и Бѣлой Руси
Спаялися звенья давно,
И только Карпатской, Червонной Руси
Еще не спаялось звено.

Святителю, Петре! Уже-ль Ты забылъ
Покинутый Галичъ родной?
Уже-ль Ты не видишь развалинъ, могилъ,
Не внемлешь мольбѣ ихъ глухой?

---

*) Стихотвореніе, прочитанное въ торжественномъ собраніи Галицко-русскаго благотворительнаго общества 21-го декабря 1909 г. въ день Св. Петра, уроженца галицкаго.

Вѣдь въ храмѣ твоемъ гдѣ вѣнчаютъ царей,
Ты слышишь ихъ клятву—обѣтъ!
Зачѣмъ не внушишь Ты имъ силой своей
Исполнить забытый завѣтъ?

Зачѣмъ не свершишь для своихъ земляковъ
Ты чуда изъ лучшихъ чудесъ:
Не скинешь съ нихъ ига и рабскихъ оковъ,
Не дашь, чтобы Галичъ воскресъ?

Съ надеждой, съ тоскою у раки Твоей,
Колѣни склонивъ, я скорблю
И стоны несчастной отчизны моей
Услышать, услышать молю!

Русская литература въ нерусскомъ освѣщеніи.

(„Исторія русской литературы". Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Изд. Т-ва „Міръ". М. 1909 г. Т. I и II).

Какъ ни скучно, а приходится иногда повторять наипростѣйшія истины. Казалось бы, что можетъ быть проще и примитивнѣе такой истины: каждая область имѣетъ свою ближайшую, а иногда и единственную задачу; такъ исторія преслѣдуетъ задачу историческую, философія—философскую, соціологія-соціологическую и т. д. Точно такъ же, казалось бы, существенной и ближайшей задачей литературы должна быть задача чисто литературная: все остальное по отношенію къ литературѣ—дѣло, по меньшей мѣрѣ, посторонее, и если какія-нибудь философскія, историческія или соціальныя отношенія и могутъ имѣть значеніе въ дѣлѣ изученія литературы, то не въ такой степени, какъ иногда думаютъ. Читая слишкомъ пространные трактаты по этой части, можно иногда, пожалуй, и забыть, что имѣешь дѣло съ литературой. А между тѣмъ у насъ нерѣдко литературѣ навязываютъ совершенно посторонія задачи, а если она этихъ задачъ выполнять не въ состояніи, то съ нею не церемонятся и не смущаются тѣмъ, кто въ данномъ случаѣ является ея выразителемъ, а выкидываютъ его за бортъ.

Такое именно отношеніе къ русской литературѣ проявляется въ выходящей отдѣльными выпусками „Исторіи русской литературы", подъ редакціей Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Въ основаніе изученія русской литературы кладется здѣсь предварительное ознакомленіе, въ видѣ историческихъ очерковъ соотвѣтствующей эпохи, съ общественною и государственною жизнью страны и съ лежащимъ въ основаніи этой жизни соціально-экономическимъ укладомъ. Но вѣдь самый соціально экономическій укладъ жизни—не русскаго происхожденія, такъ какъ оплодотворителями русской жизни

были будто бы европейскія начала. А то, что называютъ „національнымъ укладомъ мысли и творчества“, есть не болѣе, какъ среда, въ которой преломляются всѣ формы русской жизни, оплодотворенной этими началами; стало быть, и національные уклады ставятся въ зависимость отъ тѣхъ же европейскихъ началъ. И такъ какъ русская жизнь признается оплодотворенной чужеземною жизнью, то связь между литературой и этой жизнью будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе проявленіе чужеземной жизни.

Правда, такія положенія, въ примѣненіи къ крупнымъ литературнымъ фактамъ, не выдерживаютъ критики. Такъ, въ періодъ созданія Пушкинымъ „Бориса Годунова“ въ селѣ Михайловскомъ, была непосредственная, тѣсная связь его дѣятельности съ русской жизнью, вовсе не оплодотворенной европейскими началами; поэтому въ немъ должно бы быть очень слабо вліяніе чужеземной стихіи, а между тѣмъ будто бы „реализмъ Пушкина за это время выростаетъ прежде всего на широкомъ изученіи европейской литературы всѣхъ временъ“. Но этимъ противорѣчіемъ нечего смущаться, потому что таинственный процессъ творчества вовсе не таинственный, а объясняется очень просто: геніальность поэта сама по себѣ дѣло второстепенное, живыя впечатлѣнія, испытанныя имъ, тоже не имѣютъ большого значенія, а все зависитъ отъ чисто мозговаго усвоенія европейскихъ литературъ: вѣдь оказывается, что „практически Шекспиръ, а теоретически Авг. Шлегель, поэтику котораго Пушкинъ внимательно изучалъ, были руководителями его на пути къ къ реализму въ драматическомъ творчествѣ“. Точно такъ же и въ отношеніи Пушкина къ Карамзину есть маленькое противорѣчіе: въ одномъ мѣстѣ говорится, что „трудъ Карамзина былъ для него только пособіемъ, а отнюдь не источникомъ, откуда онъ черпалъ и матеріалъ и идеи“, а въ другомъ мѣстѣ признается, что „второй источникъ реализма драмы Пушкина—это „Исторія Гос. Росс.“: въ ней Пушкинъ почерпалъ фактическій матеріалъ для художественно-реальнаго воспроизведенія родной исторіи“.

Тенденціозность въ оцѣнкѣ писателей проявляется не только въ томъ, что литературное значеніе признается лишь за тѣми, на комъ отражаются западно-европейскія начала, но и въ отсутствіи исторической точки зрѣнія, которую за-

мѣняютъ партійною. Такъ, Пушкину дѣлается упрекъ, съ точки зрѣнія соціальной, за его созерцаніе, „готовое благословить природу и міръ, и за тѣ ультрапатріотическія и націоналистическія тенденціи въ духѣ оффиціальной народности, къ которымъ склонялся порою великій поэтъ“, а Бѣлинскому за его примиреніе съ дѣйствительностью упрека не дѣлается, а, наоборотъ, находится тому и объясненіе, и оправданіе. Относительно К. Аксакова сказано только, что онъ писалъ слабые стихи. А. Майковъ — стихокропатель. Кузьмѣ Пруткову отводится больше мѣста, чѣмъ Майкову и Фету; относительно Я. Полонскаго обращено также преимущественное вниманіе на стихотворенія гражданскихъ мотивовъ, какъ, напр., на то, которое будто бы посвящено С. Перовской, а на самомъ дѣлѣ В. Засуличъ („Что мнѣ она?“) Такое безцеремонное обращеніе съ русскими талантами нельзя сказать, чтобы было особенно серьезно: подобные выпады, можетъ быть, и имѣли бы мѣсто въ какомъ-нибудь публицистическомъ трудѣ, но отнюдь не въ такомъ, которое имѣетъ претензію быть историческимъ.

Но, помимо тенденціозности, въ погонѣ за дешевыми эффектами, иногда не церемонятся и съ самой истиной и даютъ завѣдомо ложныя освѣщенія, сопровождаемыя при этомъ авторскими изліяніями, которыя въ насъ, ихъ читателяхъ, платящихъ деньги за печатную дребедень, производятъ только досаду и смѣхъ. Досадно, напр., читать такую фразу о Карамзинѣ*): „Если Карамзинъ любилъ просвѣщеніе, то съ оговоркой - просвѣщеніе мирное, мечтательное, безобидное“,—какъ будто существуетъ еще просвѣщеніе какое-то немирное и не безобидное. Необыкновенно смѣшна, напр., характеристика Карамзина, напоминающаго Грибоѣдовскаго Молчалина: Карамзинъ обладалъ „умѣренностью“, „преобладаніемъ тактичности надъ порывами натуры“, „сухой корректностью и мягкостью въ обращеніи со всѣми“ и „отсутствіемъ какихъ-либо убѣжденій, которыя онъ проводилъ бы въ жизнь, за которыя хоть чѣмъ-нибудь пожертвовалъ“. Въ силу того, что литература выростаетъ на той почвѣ, которая оплодотворяется соціально - экономическимъ укладомъ, въ дѣятельности того или другого писателя извѣстное значеніе должны бы имѣть и біографическіе факты. А между тѣмъ

---

*) Статья г. А. Яцимирскаго.

непонятно, почему эти факты приводятся только относительно нѣкоторыхъ писателей. Такъ, дается біографія Нарѣжнаго, Грибоѣдова, Бѣлинскаго, Лермонтова, но нѣтъ біографій Пушкина, Гоголя, Жуковскаго, Козлова, Батюшкова, Рылѣева, Веневитинова и др.

Изученіе славянофильства не отличается особенной глубиной: славянофильство понимается въ духѣ оффиціальной народности, и далѣе того, что сказано о славянофилахъ въ трудахъ извѣстнаго лагеря, мысль не проникаетъ: все еще пробавляются тѣмъ, что сказалъ о нихъ Герценъ.

Сообразно общему направленію книги, библіографическій отдѣлъ отличается также тенденціозностью, въ нѣкоторыхъ частяхъ недостаточной полнотой, а въ другихъ—излишней: библіографія о мистицизмѣ чрезвычайно велика, о Пушкинѣ—мала (не указано, напр., цѣнныхъ работъ о немъ проф. И. Н. Жданова), о Нарѣжномъ не въ мѣру велика, о Бѣлинскомъ, напр., нѣтъ статьи того же Жданова, о славянофилахъ указаны статьи или безразличнаго достоинства, или отрицательнаго къ нимъ отношенія.

Составъ сотрудниковъ производитъ довольно пестрое впечатлѣніе: рядомъ съ именами, правда, немногочисленными, внушающими къ себѣ полное довѣріе въ научномъ смыслѣ, какъ, напр., С. А. Венгеровъ или К. Арсеньевъ, стоятъ далеко не титулованныя имена: Айхенвальдъ, Гершензонъ, Кранихфельдъ, Яцимирскій и др.

Большинству изъ этихъ „историковъ литературы", конечно, очень далеко до интересовъ русскаго читателя: безсильные сказать относительно литературы что-нибудь живое, увлекательное и близкое сердцу русскаго читателя, они, вмѣсто всего этого, преподносятъ ему подъ флагомъ „исторіи русской литературы" наивныя публицистическія размышленія на соціальныя темы. Это, можетъ быть, и оргинально, и либерально, но не совсѣмъ добросовѣстно. Отсутствіе положительныхъ достоинствъ врядъ ли возможно замѣнить богатыми иллюстраціями и довольно роскошной внѣшностью; къ тому же то, что пригодно при изданіи самихъ писателей, врядъ ли нужно при изданіи литературныхъ о нихъ статей: отъ этого лишь страдаютъ матеріальные интересы довѣрчиваго читателя.

Л. Лобовъ.

Христіанъ Геннигъ.

(Изъ полабскихъ очерковъ).

Христіанъ Геннигъ—единственный полабскій писатель и во всякомъ случаѣ безспорно выдающійся лексикографъ и грамматикъ полабскаго языка, вполнѣ заслуживаетъ зачисленія въ ряды славянскихъ ученыхъ, хотя онъ родомъ былъ не славяниnъ, а нѣмецъ. Лужицко-вендскій историкъ К. А. Енчъ считалъ Геннига природнымъ вендомъ въ виду того, что онъ находился въ научной перепискѣ съ лужицкими учеными Авраамомъ Френцелемъ и Бирлингомъ, и приэтомъ видѣлъ въ немъ уроженца Нижнихъ Лужицъ изъ деревни Эссенъ, Шпрембергскаго уѣзда. П. Ростъ, напротивъ, называетъ (въ сочиненіи: „Языковые остатки дравянополабовъ", Лейпцигъ, 1907 г., изданіе Гинрихса, стр. 10). Эссенъ близъ Ошатца (правильнѣе Ломмача) его родиной, не зная, повидимому, или не помня, что это мѣстечко принадлежитъ не къ „Курскому" уѣзду, а Мейссенскому или старому маркграфству Мейссенъ. Родиной Геннига, безъ сомнѣнія, является городокъ Эссенъ на рѣкѣ Черный Эльстеръ (Сорокѣ) въ уѣздѣ Швейницъ на югъ отъ Виттенберга, который былъ столицей „Курскаго" уѣзда.

Относительно мѣсяца его рожденія также встрѣчается разногласіе у тѣхъ писателей, которые сообщаютъ свѣдѣнія о Геннигѣ. Въ метрической книгѣ Эссенскаго прихода подъ 1649 годомъ при его имени сдѣлано указаніе: baptisatus 3. X bris, что, нужно читать 3 Decembris. Это несомнѣнно вытекаетъ изъ надписи подъ маслянымъ портретомъ Геннига, который виситъ въ Вустровской церкви рядомъ съ алтаремъ, гласящей такъ: „Christianus Henningius von Jessen, Pastor zu Wustrau. Natus Anno 1649 die 30. November. Introductus Anno 1679 Dom. II Trin. Denatus Anno 1719 die 27. September. Aetatis Anno 69 mens. 10, Ministerii. Anno 40.

Leichen Text Ps. 65,5: Wohl dem, den du erwählest" *). Изъ этой надписи, равно какъ и изъ другихъ сочиненій, выясняется также, что даже форма фамиліи Геннига передавалась различно: Геннигъ, Геннингъ и даже Геннинсъ, при чемъ первая форма является первоначальной средненѣмецкой формой, Геннингъ же (и Геннинсъ)—нижне-нѣмецкой передѣлкой.

Итакъ, Христіанъ Геннигъ родился 30-го ноября 1649 года въ Эссенѣ близъ Виттенберга отъ тамошняго суконщика Христіана Геннига и его жены Урсулы и крещенъ 3-го декабря того же года; онъ изучалъ въ Виттенбергѣ богословіе и такъ какъ по сдачѣ богословскаго экзамена (должно быть въ 1674 г.) не сразу получилъ духовную должность, то сперва принялъ мѣсто кантора въ Вингаузенѣ на рѣкѣ Аллерѣ въ волости Целле герцогства Люнебургскаго и занималъ затѣмъ въ теченіе полутора года мѣсто полкового священника при Люнебургскомъ полкѣ лейбъ-конницы; въ этой должности онъ снискалъ расположеніе генералъ-суперинтендента бременскаго и ферденскаго (на Аллерѣ) Іоанна Дикмана, котораго онъ въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ называетъ своимъ благодѣтелемъ; весьма вѣроятно, что именно Дикманъ обратилъ вниманіе на его дѣльность и рекомендовалъ его въ качествѣ кандидата на должность пастора. Черезъ полтора года Геннигъ получилъ въ 1679 г. должность пастора въ городкѣ Вустровѣ Люховскаго уѣзда герцогства Люнебургскаго и попалъ въ Люнебургскую вендскую землю, или къ дравяно-полабамъ, славянскій характеръ которыхъ еще не былъ сломленъ, но языкъ которыхъ, тѣснимый наступающимъ нѣмецкимъ языкомъ, доживалъ послѣдніе дни. Геннигъ вращался въ Виттенбергѣ въ обществѣ молодыхъ вендскихъ патріотовъ изъ обѣихъ Лужицъ; благодаря этому обстоятельству ему бросилось въ глаза, что и здѣсь имѣлись венды и вендскій языкъ, и, быть можетъ, побуждаемый своими вендскими друзьями въ Лужицахъ, онъ началъ вскорѣ послѣ вступленія

*) Т. е. Христіанъ Геннингіусъ изъ Эссена, пасторъ въ Вустровѣ. Родился въ 1649 г. 30-го ноября. Вступилъ въ должность пастора въ 1679 г. во второе воскресенье послѣ пятидесятницы. Умеръ въ 1719 г. 27-го сентября и т. д.

въ должность свои вендско-полабскія занятія и этнографическія записи, которыя, правда, могли подвигаться впередъ лишь очень медленно, такъ какъ дравяны встрѣтили его съ недовѣріемъ. Но всѣ его записи, которыя въ то время носили скорѣе этнографическій, мѣстно-историческій и литературный характеръ, чѣмъ языковый и словарный, сгорѣли во время большого пожара въ Вустровѣ въ 1691 г.

О его наружности даетъ намъ свѣдѣнія его поясной портретъ въ Вустровской церкви. Вида серьезнаго, твердаго мужъ въ рясѣ и обычномъ тогда парикѣ. Здоровое, упитанное, продолговатое лицо кончается небольшимъ двойнымъ подбородкомъ. Носъ спереди у кончика имѣетъ еще маленькое удлиненіе, отъ него идутъ къ верху двѣ продольныя складки, на лбу тоже двѣ складки, только поперечныя. Острыя черты выдаютъ, несмотря на нивелирующую тогдашнюю моду—парикъ и платье, твердый характеръ, а глаза—человѣка проникающаго въ глубь вещей.

Геннигъ послѣ 1691 г. заново началъ свои полабсковендскія занятія, обративъ вниманіе на языковую сторону, побуждаемый къ этому интересомъ, который проявилъ къ этому дѣлу философъ Лейбницъ, жившій тогда при Ганноверскомъ дворѣ и пользовавшійся большимъ вліяніемъ. Геннигъ рѣшилъ собрать остатки вымирающаго дравянополабскаго языка въ формѣ нѣмецко-вендскаго лексикона, отыскавъ источникъ, изъ котораго онъ могъ черпать, въ лицѣ пожилого прихожанина, крестьянина Іоанна Янишке (Janieschge или Janiška) въ Клёновѣ. Этотъ старикъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ и даже лѣтъ приходилъ по воскресеньямъ послѣ богослуженія въ кабинетъ Хр. Геннига и служилъ ему тамъ источникомъ для полабскаго словаря. По собственному признанію Геннига, Янишка „не только согласился помогать ему въ этомъ (т.-е. въ записи люнебургско-вендскихъ словъ) по мѣрѣ возможности, но былъ и такъ искусенъ, что быстро оріентировался въ сомнительныхъ вопросахъ, въ то же время онъ могъ и писать“. Этотъ источникъ казался исчерпаннымъ и полабскій словарь оконченнымъ вскорѣ послѣ начала новаго столѣтія, именно въ 1702 или 1703 году.

Первоначальный набросокъ Геннигова словаря и первый бѣловикъ руки самого Геннига, законченный имъ въ 1705 г.,

оставались во владѣніи автора до его смерти 27-го сентября 1719 г. и перешли во владѣніе его сына Доната Якова Эрнста Геннига.

Нынѣ первоначальный набросокъ вмѣстѣ съ копіей находятся въ библіотекѣ „Верхнелужицкаго общества наукъ“ въ Герлицѣ. Лучшая и самая чистая копія собственной руки Геннига находится въ королевской библіотекѣ въ Ганноверѣ.

Въ словарѣ Геннигъ изложилъ какъ результаты своихъ историко-этнографическихъ разысканій о дравянскихъ или люнебургскихъ вендахъ, такъ и всѣ свои языковые матеріалы, что выражено имъ въ заголовкѣ, для нашего времени нѣсколько многорѣчивомъ и черезчуръ обстоятельномъ: „Kurtzer Bericht von der Wendischen Nation überhaupt, insonderheit von denen Lüneburger Wenden in denen Ämtern Lüchow und Wustrow und deren Abkunft, auch von ihren Pago, dem sogenannten Drawän, abgefasst 1705; sodann: Vocabularium Venedicum oder wendisches Wörter-Buch von der Sprache, welche unter den Wenden in Chur-Braunschweig-Lüneburgischen Ämtern Lüchow und Wustrow annoch im Schwange gehet“ или по первой копіи Вендгольта: „dabei ein Teutsch-Wendisches Wörter-Buch von selbigen Wenden ihrer Spräche curiosen Liebhabern zu gefallen abgefasset. Anno. 1705“ — т. е. „Краткое сообщеніе о вендской націи вообще, въ частности о люнебургскихъ вендахъ и люховской и вустройской волостяхъ и о ея происхожденіи, также объ ихъ области, такъ называемой Дравянѣ, сочинено въ 1705 г.; далѣе вокабулярій венедскій или вендскій словарь того языка, который еще употребляется среди вендовъ въ курбрауншвейго-люнебургскихъ волостяхъ люховской и вустровской“ или по первой копіи Вендтгольта: „...при семъ нѣмецко-вендскій словарь о языкѣ тѣхъ же самыхъ вендовъ, сочиненный въ угоду любопытнымъ любителямъ. Въ 1705 году“.

Первый бѣловикъ своего произведенія, написанный самимъ Геннигомъ, законченный въ 1707 г., т. е. рукопись королевской ганноверской библіотеки (n. по реестру 842), по всей вѣроятности, былъ Геннигомъ предназначенъ для печати; но къ печатанію не было приступлено, такъ какъ не нашлось издателя.

Дальнѣйшая научная его дѣятельность состояла въ

его переписке съ людьми науки, которые интересовались люнебургскими вендами или дравянами, что можно заключить по разнымъ намекамъ, но отъ этой переписки почти ничего не сохранилось. Нужно счесть громадной его заслугой то обстоятельство, что онъ своихъ дравянскихъ вендовъ и ихъ языкъ энергично защищалъ противъ ихъ притѣснителей и гонителей.

О частной жизни Геннига можно лишь немногое сообщить; онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей; его сынъ Донатъ избралъ также духовный санъ. Приходъ Геннига не былъ особенно доходнымъ, самъ онъ не былъ одаренъ земными благами; его библіотека была поэтому мала; къ тому же она сгорѣла въ 1691 г.; изъ болѣе поздняго списка всѣхъ книгъ, находившихся въ домѣ священника и церкви, который еще сохранился, видно, что въ библіотекѣ не было ни одной вендской или иной славянской книги. Его сравненія (въ концѣ его нѣмецко-вендскаго словаря) съ верхнелужицкимъ, польскимъ и чешскимъ поэтому принадлежатъ не лично ему, а доставлены ему—по моему твердому убѣжденію—Авраамомъ Френцелемъ.

Въ церковной книгѣ за исключеніемъ записей крещеныхъ, обвѣнчанныхъ и умершихъ, нѣтъ почти никакихъ касающихся именно Геннига записей. Въ правительственной регистратурѣ Вустровской еще въ 1809 г. находились 2 письма руки Геннига 1690—1694 г.; но имѣются ли они еще теперь, мнѣ неизвѣстно. Изъ двухъ сохранившихся писемъ 1690—1691 г. вытекаетъ, какъ важно для него было заполучить на вакантную должность кантора въ Вустровѣ дѣльнаго человѣка, быть можетъ, и въ качествѣ переписчика его рукописей. Въ общемъ жизнь Геннига протекала спокойно и тихо и была посвящена духовной дѣятельности и работѣ. Чтеніе старинныхъ сочиненій и также новыхъ извѣстій было, какъ онъ самъ сознается, его величайшимъ удовольствіемъ. Послѣ трудовой и нелегкой жизни Хр. Геннигъ умеръ на 70 году, 27-го сентября 1710 г. и былъ похороненъ со всѣми почестями, должно быть, подъ алтаремъ Вустровской церкви. Онъ вполнѣ заслуживаетъ имени славянскаго ученаго и признательности потомства.

Д-ръ Э. Мука.

Филиппъ Радичевичъ.

Къ 50-лѣтнему юбилею его служенія въ санѣ черногорскаго протодіакона.

16 декабря 1909 г. исполнилось ровно 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ нынѣ здравствующій придворный цетиньскій протодіаконъ и членъ Св. Синода черногорской церкви о. Филиппъ Радичевичъ посвященъ владыкою черногорскимъ Никаноромъ въ санъ діакона. Въ этомъ санѣ онъ остается и доселѣ, служа честно и съ непоколебимою вѣрностью церкви Божіей и своему геройскому народу.

Маститый юбиляръ родомъ изъ Цетинья, а отдаленные предки его вообще принадлежали къ древнему роду многострадальныхъ Зетскихъ борцовъ за православную вѣру и сербскую народность противъ турокъ-притѣснителей. Но отецъ его Несторъ Михайловъ Радичевичъ жилъ уже въ Цетиньѣ, гдѣ 4 іюня 1843 года и родился у него сынъ Филиппъ. Такъ какъ Несторъ Радичевичъ „державный пушкаръ"—пользовался расположеніемъ своихъ государей, то и сыну его посчастливилось впослѣдствіи воспользоваться близкими отношеніями къ цетиньскому княжескому двору. Первоначальное свое образованіе (обученіе сербскому чтенію и письму) онъ получилъ въ цетиньскомъ монастырѣ у пречестнаго о. архимандрита Петронія Луяновича-Срѣмца, а послѣ смерти послѣдняго учился въ мѣстной основной школѣ у учителей Георгія Срдича и Ѳеодора Иванчика. Когда же эти два учителя должны были покинуть Цетинье, то Филиппъ Радичевичъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими учениками продолжалъ свое первоначальное образованіе подъ руководствомъ Никанора Ивановича Нѣгуша, впослѣдствіи владыки черногорскаго (1858—1860 гг.), у котораго Филиппъ Радичевичъ обучился церковному пѣнію и уставу, въ чемъ такъ

хорошо преуспѣвалъ, что князь Даніилъ I (1851—1860 гг.) избралъ его въ качествѣ стипендіата для продолженія богословскаго образованія въ семинаріяхъ цетиньской и потомъ задрской (въ Далмаціи). А насколько оцѣнивались успѣхи Филиппа Радичевича въ школѣ, служитъ показателемъ между прочимъ фактъ, что князь Даніилъ I на экзаменѣ въ 1855 г. подарилъ ему собственноручно „золотые часы“ и обѣщалъ послать его для дальнѣйшаго образованія въ Петербургъ; но по разнымъ обстоятельствамъ это намѣреніе князя не осуществилось. Какъ бы въ замѣнъ этого, въ 1858 г. юный въ то время Филиппъ Радичевичъ долженъ былъ сопровождать новонаименованнаго владыку черногорскаго Никанора Ивановича Нѣгуша для посвященія въ епископскій санъ въ С.-Петербургъ. По возвращеніи его изъ Россіи князь Даніилъ I повелѣлъ владыкѣ Никанору посвятить Филиппа Радичевича въ діакона къ каѳедральному храму Рождества Пресвятыя Богородицы, что и совершилось 16 декабря 1859 г. Уже въ санѣ діакона, Радичевичъ не одинъ разъ впослѣдствіи побывалъ въ Россіи, сопровождая своихъ владыкъ по большей части для епископской хиротоніи въ С.-Петербургъ. Послѣ Никанора онъ въ 1863 году сопровождалъ въ С.-Петербургъ для хиротоніи Иларіона Рогановича (1863—1882 гг.), въ 1885 г.—нынѣ здравствующаго черногорскаго митрополита Митрофана Бана, съ которымъ онъ путешествовалъ въ Россію еще въ 1888 году на торжество 900-лѣтія крещенія Руси, а въ истекшемъ 1909 году онъ сопутствовалъ въ С.-Петербургъ новонаименованному въ епископа Захолмско-Рашскаго Кириллу Митровичу и принималъ здѣсь памятное всѣмъ очевидцамъ участіе въ церковныхъ торжествахъ по случаю хиротоніи епископа Кирилла. Это четырехкратное путешествіе о. Филиппа въ Россію еще тѣснѣе сблизило его съ матушкою Русью, давши ему не только богатый умственный матеріалъ для пониманія традиціонныхъ русско-черногорскихъ отношеній, но и крѣпкій нравственный фундаментъ для беззавѣтнаго служенія идеѣ общности русско-черногорскихъ интересовъ. Этой идеѣ о. Филиппъ Радичевичъ служилъ не только въ качествѣ достойнаго священнослужителя церкви православной, но и на другихъ поприщахъ дѣятельности. Такъ, три года онъ былъ секретаремъ черногорскаго сената, 14 лѣтъ былъ учителемъ въ цетиньской основной школѣ, изъ

которой вышло болѣе трехъ тысячъ грамотныхъ черногорцевъ, пять лѣтъ состоялъ преподавателемъ Закона Божія и ариѳметики въ русскомъ женскомъ цетиньскомъ институтѣ Императрицы Маріи, три года преподавалъ Законъ Божій августѣйшимъ дѣтямъ, въ теченіе 18 лѣтъ состоялъ секретаремъ духовнаго управленія митрополичьей консисторіи. Кромѣ того, о. Филиппъ Радичевичъ въ теченіе 1876—8 гг., во время освободительныхъ войнъ Черногоріи съ Турціей, оказывалъ существенныя услуги дѣлу „Русскаго Краснаго Креста“ въ Черногоріи, за что онъ получилъ аттестатъ и свидѣтельства о своей полезной дѣятельности. Для характеристики этой дѣятельности, изъ многихъ, имѣющихся у насъ подъ руками, свидѣтельствъ тогдашнихъ русскихъ уполномоченныхъ при черногорскомъ отрядѣ Русскаго Краснаго Креста, достаточно привести содержаніе аттестата, подписаннаго 10 марта 1878 г. уполномоченнымъ Русскаго Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ въ Черногоріи генералъ-маіоромъ Алексѣемъ Зубовымъ. Вотъ какъ въ этомъ аттестатѣ характеризуется дѣятельность о. Филиппа Радичевича: „Митрополитскій протодіаконъ Филиппъ Радичевичъ, начавшій свою службу при черногорскомъ отрядѣ Русскаго Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, съ прибытіемъ отряда въ январѣ 1876 года, продолжалъ ее до конца существованія послѣдняго, т. е. до начала марта 1878 года. Въ теченіе этого времени протодіаконъ Радичевичъ былъ сначала экономомъ цетиньскихъ госпиталей, а затѣмъ исполнялъ разныя возлагаемыя на него обязанности, преимущественно по хозяйственной части, причемъ никакого содержанія не получалъ. Полезная дѣятельность Радичевича была засвидѣтельствована моими (т. е. А. Зубова) предмѣстниками. Я же съ своей стороны считаю долгомъ удостовѣрить, что сотрудничество протодіакона Радичевича было весьма полезно дѣлу „Русскаго Краснаго Креста“, дѣятельность котораго была исключительно посвящена пользѣ Черногоріи“ и т. д. Само собою разумѣется, что за свои особенныя услуги и отмѣнное усердіе о. Радичевичъ получилъ не только знакъ Краснаго Креста, но и орденскіе знаки св. Анны 3-й ст. и св. Владиміра 4-й ст., а изъ другихъ славянскихъ отличій, кромѣ множества медалей, имѣетъ черногорскій орденъ Данінла 3-й ст.,

сербскій св. Саввы 3-й ст. и болгарскій 3-й ст. Наконецъ, въ 1903 г. о. протодіаконъ Филиппъ Радичевичъ, при учрежденіи въ Черногоріи Св. Синода Черногорской церкви, былъ удостоенъ высшаго церковнаго отличія—званія члена Св. Синода.

Несмотря на свои сложныя служебныя обязанности и, вообще, разностороннюю дѣятельность въ разныхъ областяхъ церковно-общественнаго служенія, о. Филиппъ Радичевичъ находилъ время посвящать свой досугъ и литературнымъ занятіямъ. Онъ усердно сотрудничалъ въ сербскихъ изданіяхъ „Глас Црногорца", „Просвjета", въ „Сербско-Далматинскомъ Магазинѣ" и др. сербскихъ изданіяхъ, въ русскихъ газетахъ и журналахъ — „Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ", „Церковныхъ Вѣдомостяхъ" и др. Кромѣ того, онъ описалъ дѣятельность Русскаго Краснаго Креста въ Черногоріи, собиралъ сербскія пѣсни и издалъ ихъ подъ заглавіемъ „Гусле Црногорске", занимается и доселѣ собираніемъ древнѣйшихъ надписей, пословицъ и народныхъ пѣсенъ, печатая ихъ по частямъ въ разныхъ сербскихъ изданіяхъ.

Такова въ краткихъ чертахъ разносторонняя дѣятельность маститаго черногорскаго юбиляра. Обильные плоды ея достойно украшаютъ полувѣковой юбилей Радичевича, которому отъ всей души желаемъ бодрости силъ для продолженія своего столь полезнаго для Черногоріи и для цѣлаго славянства беззавѣтнаго служенія воодушевляющимъ юнацкую его родину идеаламъ.

И. П.

Хроника славянской жизни.

Среднія школы въ Сербіи. Сербскій „Журналъ нар. просвѣщенія" (Просветни Гласник) сообщаетъ обстоятельный отчетъ о состояніи мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Сербіи за 1908/9 уч. годъ. Согласно этому отчету, въ Сербіи въ 1908/9 уч. году числилось всего 40 среднихъ учебныхъ заведеній; изъ нихъ мужскихъ 22 (9 полныхъ гимназій, въ томъ числѣ 4 въ Бѣлградѣ; 3 семиклассныхъ, 5 шестиклассныхъ и 5 четырехклассныхъ) и женскихъ 18 (8 полныхъ гимназій съ 8 классами, 12 неполныхъ и 5 высшихъ женскихъ школъ). Изъ общаго числа школъ на средства правительства существовали 23 школы: 18 мужскихъ гимназій, 1 женская гимназія, 1 реальное училище и 3 высшихъ женскихъ школы; на содержаніе правительственныхъ среднихъ школъ израсходовано въ отчетномъ году 1.557.869 динаровъ (франковъ). Остальныя среднія школы (17) содержались на счетъ городскихъ общинъ. Число учащихся во всѣхъ среднихъ школахъ Сербіи равнялось 9.068; изъ нихъ было 6.936 мальчиковъ и 2.132 дѣвушки. По профессіи родителей учащіеся дѣлились на слѣдующія группы: дѣтей священниковъ 302, дѣтей чиновниковъ 1.513, дѣтей учителей 637, купеческихъ дѣтей 1.473, дѣтей ремесленниковъ 1.184, крестьянскихъ дѣтей 1.561 и т. д.; въ вѣроисповѣдномъ отношеніи было: православныхъ учащихся 8.010, римско-катол. вѣроиспов. 91, іудеевъ 177, магометанъ 3 и т. д. Педагогическій персоналъ въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ достигалъ 333 челов. и въ женскихъ 80, всего—413. Педагогическій трудъ оплачивался: директорскій отъ 5.000 до 7.000 фр. въ годъ и преподавательскій отъ 1.500 до 6.000 фр. (т. е. отъ 600 руб. до 2.400 руб.). При каждой мужской школѣ въ столицѣ и въ провинціи существовали гимназическіе литературные кружки (дружины), члены которыхъ упражнялись въ сочиненіи стиховъ и прозою оригинальныхъ произведеній, въ переводахъ съ иностраннаго и въ составленіи литературныхъ докладовъ. Въ программы преподаванія входятъ, какъ обязательные предметы, французскій и нѣмецкій языки съ экзаменами переходными и выпускными; русскій языкъ въ сербскихъ программахъ стоитъ на послѣднемъ мѣстѣ: такъ, изъ 4-хъ бѣлградскихъ мужскихъ гимназій русскій языкъ проходился только въ трехъ (въ нѣкоторыхъ въ 7, а въ другихъ въ 8 классѣ); занятія состояли въ чтеніи и переводѣ легкихъ отрывковъ изъ русскихъ пи-

сателей. Къ сожалѣнію, почти во всѣхъ среднихъ школахъ Сербіи, гдѣ изучается русскій языкъ, принята въ качествѣ учебника составленная нѣмцемъ хрестоматія (Bernecker, Russiscihes Lesebuch).

Церкви и монастыри въ Черногоріи. По оффиціальнымъ даннымъ, опубликованнымъ черногорскимъ правительствомъ, въ Черногоріи въ настоящее время числится 390 церквей и монастырей, изъ нихъ соборныхъ церквей 145, сельскихъ 230 и монастырей 15, распредѣляющихся по 153 приходамъ. Увеличеніе количества церквей идетъ медленнымъ шагомъ: съ 1907 года построено всего 3 новыхъ церкви (сельскихъ). Число духовныхъ лицъ въ Черногоріи не превышаетъ 162 человѣкъ, изъ нихъ протоіереевъ 5, священниковъ 135, діаконовъ 2, архимандритовъ 3, игуменовъ 1, іеромонаховъ 14 и монаховъ 2. Въ теченіе 1907 и 1908 года, согласно тѣмъ же оффиціальнымъ даннымъ, не состоялось ни одного рукоположенія во священники, а количество чернаго духовенства за то же время уменьшилось на 2 лица. На 15 монастырей въ Черногоріи приходится 20 монаховъ (архим., игуменовъ, іеромонаховъ и монаховъ). Черногорская статистика вообще характерна для всѣхъ балканскихъ славянъ: какъ у сербовъ, такъ и у болгаръ наблюдается въ монастыряхъ полное оскудѣніе: многіе, даже старинные монастыри—сербскія историческія святыни вовсе не имѣютъ монаховъ, въ другихъ монастыряхъ по два-по три монаха; даже въ знаменитой нѣкогда Фрушкой горѣ (у венгерскихъ сербовъ), насчитывающей до 11 старинныхъ монастырей, число монаховъ не превышаетъ указанныхъ цифръ. По даннымъ черногорской статистики, въ 1907 г. было предано суду и осуждено 5 священниковъ, въ 1908 г. судилось 6 и былъ осужденъ 1 священникъ изъ общаго количества 135.

Народныя школы въ Босніи и Герцеговинѣ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ за 1909 годъ, въ Босніи и Герцеговинѣ къ концу 1906/7 уч. года состояло 379 основныхъ (начальныхъ) школъ; изъ нихъ 359 общихъ, 109 конфессіональныхъ и 11 частныхъ; изъ 259 общихъ (правительственныхъ) школъ въ 180 обучались совмѣстно мальчики и дѣвочки и 5 школъ было спеціально женскихъ. Въ теченіе 1907/8 уч. года было открыто вновь 11 общихъ, 7 конфессіональныхъ школъ и одна частная; въ 1908/9 уч. году открылось еще 19 общихъ начальныхъ школъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время въ Босніи и Герцеговинѣ имѣется всего 417 общихъ школъ. Дѣтей школьнаго возраста числилось въ 1906/7 уч. году въ обѣихъ провинціяхъ 235.000; изъ нихъ посѣщало школу только 34.887 (27.094 мальчика и 7.793 дѣвочки), т. е. 14,83 процента общаго числа. Въ общихъ школахъ училось 25.455 дѣтей, въ конфессіональныхъ 8.801 и въ частныхъ 631. По вѣроисповѣданію дѣти дѣлились на слѣдующія группы: православныхъ (сербовъ)—14.453, католиковъ—13.587, мусульманъ—4.937, іудеевъ—1.374 и иновѣрцевъ—563. Учителей во всѣхъ школахъ состояло 847 (533 учителя и 304 учительницы), кромѣ законоучителей, которыхъ числилось

въ общихъ школахъ 599, въ конфессіональныхъ 221 (православныхъ 136, католиковъ 84, евреевъ 6, протестантовъ 1) и въ частныхъ школахъ 17. По вѣроисповѣданію среди учителей было 363 католика, 353 православныхъ, 110 мусульманъ, 3 іудея и 8 иновѣрцевъ. Расходы на содержаніе всѣхъ начальныхъ школъ Босніи и Герцеговины достигали въ 1906/7 уч. году суммы въ 1.623.506 кронъ.

Изъ черногорской статистики. Въ прежнее время въ правительственныхъ учрежденіяхъ Черногоріи вовсе не велось статистическихъ записей, и только сравнительно недавно министерство внутреннихъ дѣлъ потребовало отъ всѣхъ мѣстныхъ учрежденій періодической доставки статистическихъ свѣдѣній по разнымъ областямъ государственной и экономической жизни; свѣдѣнія эти постепенно публикуются въ оффиціозѣ черногорскаго правительства „Гласѣ Црногорца“ и представляютъ большой интересъ. Согласно опубликованнымъ въ послѣднихъ номерахъ названной газеты даннымъ, импортъ и экспортъ черногорскій выражался въ слѣдующихъ цифрахъ: ввезено товаровъ въ 1905 г. 9.821.399 килогр. или 1.959 предметовъ на сумму 4.648.711 гульденовъ, въ 1906 году—11.014.367 килогр. или 937 предметовъ на сумму 5.079.094 гульд. и въ 1907 г.—9.115.259 килогр. (1.254 предм.) на сумму 6.259.890 гульд.; вывезено изъ Черногоріи въ 1905 г.—2.491.693 килогр. (44.137 предм.) на сумму 1.704.839 гульд., въ 1906 г. — 3.063.813 килогр. (38.210 предм.) на сумму 1.810.893 гульд. и въ 1907 г.—2.088.702 килогр. (28.967 предметовъ) на сумму 1.338.264 гульденовъ. Такимъ образомъ стоимость ввоза за послѣднее время значительно повысилась, а стоимость вывоза упала; въ общемъ за три года, съ 1905—1907 г., ввезено на сумму 15.987.695 гульденовъ; а вывезено на сумму 4.853.996 гульденовъ; слѣдовательно, импортъ превысилъ экспортъ на 11.133.699 гульд. Согласно тѣмъ же статистическимъ даннымъ, почтовое дѣло въ Черногоріи за 1908 годъ характеризуется слѣдующими цифрами: почтово-телеграфныхъ учрежденій было 39 (почтовыхъ 17 и телеграфныхъ 22) съ персоналомъ—высшимъ и низшимъ—въ 149 человѣкъ; почтовые расходы въ 1908 г. составляли 295.670 гульд., а доходы отъ почтовыхъ операцій 278.777 гульд.; такимъ образомъ почта и телеграфъ дали черногорскому правительству въ 1908 году чистый убытокъ въ 16.893 гульд.

По даннымъ оффиціальной статистики, въ 1908 году въ Черногоріи разводился виноградъ въ слѣдующемъ количествѣ: въ Катунской области—514,691 кустъ, въ Земско-Бердской—2.793.023 куста, въ Приморско-Цермничной— 1.081,114 кустовъ,—всего 4.388,828 кустовъ; выработано виноградного вина въ теченіе отчетнаго года 1.696,767 килогр. и виноградной водки (ракіи) 206,645 килогр. Виноградарство не вездѣ возможно въ Черногоріи по климатическимъ условіямъ; такъ напримѣръ, въ областяхъ (пахіяхъ) Морачко-Васоевицкой и Никшичной, въ большинствѣ горныхъ, виноградъ вовсе не произрастаетъ.

Въ теченіе 1908 года въ Черногоріи народныхъ читаленъ состояло 10; старѣйшая изъ нихъ находится въ Цетиньѣ (основ. въ

1867 году), другая въ Люботинѣ (1895 г.), Вилусѣ, Дуклѣ, Ждребаникѣ, Никшичѣ, Шавникѣ, Велимьѣ, Боанѣ и Колашинѣ. Во всѣхъ читальняхъ числилось 646 членовъ; наибольшее количество членовъ приходилось при этомъ на цетинскую читальню (170); членскіе взносы не превышаютъ суммы въ 12 перп. (около 10 рублей); въ нѣкоторыхъ читальняхъ членскій взносъ уменьшенъ до 4 перп. (3 р.). Годовой расходъ всѣхъ читаленъ выразился въ суммѣ 5.136 перп., доходъ — 7.528. Во всѣхъ читальняхъ находилось 132 сербскихъ газеты и журн. и 12 иностранныхъ (въ томъ числѣ и русскихъ) и 3,993 тома книгъ наибольшее число періодическихъ изданій и книгъ имѣла цетинская читальня: газетъ и журналовъ 26 сербскихъ и 6 иностранныхъ, книгъ 3,361 томъ. При ограниченномъ числѣ народныхъ школъ въ Черногоріи, народныя читальни и библіотеки имѣютъ громадное культурное значеніе.

Болгарское судоходство по Дунаю. Рущукская торговая палата проектируетъ учрежденіе пароходнаго общества для плаванія по Дунаю. Вопросъ этотъ представляется крайне интереснымъ не только съ точки зрѣнія болгарскихъ торговыхъ интересовъ, но и въ международномъ отношеніи. Въ прежнее время Дунай являлся единственнымъ путемъ ввоза и вывоза для сѣверной Болгаріи; съ сооруженіемъ болгарскихъ желѣзныхъ дорогъ эти функціи перешли отчасти на нихъ, но Дунай попрежнему, какъ удобное водное сообщеніе, можетъ конкурировать съ желѣзными дорогами и остается единственнымъ путемъ для внѣшней торговли Болгаріи. Въ настоящее время перевозка грузовъ, преимущественно скота и пассажировъ, по Дунаю производится главнымъ образомъ австрійской и мадьярской (венгерской) пароходными компаніями и только отчасти судами другихъ національностей. Въ случаѣ какихъ-либо осложненій международнаго характера Болгарія такимъ образомъ можетъ быть вовсе лишена сообщенія по Дунаю. Согласно берлинскому договору, Австрія получила право произвести работы у Желѣзныхъ Воротъ, чтобы сдѣлать рѣку удобной также для судовъ съ солиднымъ тоннажемъ. Расходы по выполненію этихъ работъ предполагалось первоначально разложить на сосѣднія съ Дунаемъ и, слѣдовательно, заинтересованныя государства, съ тѣмъ, чтобы они погасили впослѣдствіи свои издержки, взимая извѣстную плату за пропускъ судовъ. Австрія, въ виду экономической слабости Сербіи и Болгаріи, поручила работы у Желѣзныхъ Воротъ одной Венгріи, которая, затративъ на это большія средства, пріобрѣла право опредѣлять по своему усмотрѣнію ту сумму, какую должны уплачивать ежегодно сосѣднія съ Дунаемъ государства, не участвовавшія въ работахъ. Взимаемые нынѣ Венгріей сборы идутъ не только на погашеніе произведенныхъ ею расходовъ, но и на увеличеніе фонда на постройку венгерскаго флота и т. д. Со времени парижской конференціи Дунай сталъ международной рѣкой; была даже учреждена особая „международная дунайская коммиссія“ для надзора за судами, плавающими по Дунаю, и для упорядоченія дунай-

скаго судоходства; эта коммиссія состоитъ изъ представителей всѣхъ великихъ державъ, а съ 1886 г. и Румыніи. На лондонской конференціи 1880 г. Болгарія тщетно добивалась права также имѣть своего представителя въ этой коммиссіи. Ссылаясь на то, что Болгарія является вассальнымъ государствомъ, конференція такого права ей не предоставила, но разрѣшила Турціи — сюзерену Болгаріи, имѣть въ коммиссіи своего представителя. Нынѣ съ объявленіемъ Болгаріи независимымъ королевствомъ, постановленіе лондонской конференціи, повидимому, должно потерять свою силу, и Болгарія должна также войти въ составъ „международной дунайской коммиссіи". Болгарская печать живо обсуждаетъ въ послѣднее время этотъ вопросъ, указывая на настоятельную необходимость соотвѣтствующаго измѣненія постановленія лондонской конференціи и образованія самостоятельнаго болгарскаго дунайскаго пароходнаго общества въ интересахъ болгарской торговли.

Договоръ съ Россіей въ Болгарскомъ народномъ собраніи. 8-го декабря 1909 г. министромъ иностранныхъ дѣлъ и болгарскимъ уполномоченнымъ Дмитровымъ была подписана въ Петербургѣ конвенція, которою опредѣляются денежныя обязательства, принимаемыя на себя Болгаріей по отношенію къ Россіи, вслѣдствіе провозглашенія болгарской независимости и въ соотвѣтствіи съ русско-турецкимъ протоколомъ 7-го апрѣля 1909 г., объ отказѣ русскаго правительства отъ части турецкаго военнаго вознагражденія, установленнаго конвенціей 2/14 мая 1882 г.

Въ различныхъ болгарскихъ политическихъ партіяхъ и общественныхъ кругахъ договоръ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать, вызвалъ разнообразное отношеніе и не одинаковую оцѣнку. Крайнія лѣвыя политическія организаціи склонны были видѣть въ немъ своего рода новую политическую зависимость, широкое же общественное мнѣніе не могло, конечно, не считаться съ тѣмъ, что Болгаріи отданы деньги русскаго народа, у котораго много и своихъ нуждъ. Въ общемъ, однако, въ массѣ своей, болгарское общественное мнѣніе отнеслось съ глубокими симпатіями къ Россіи, о чемъ прекрасно свидѣтельствуетъ голосованіе договора съ Россіей въ болгарскомъ парламентѣ, имѣвшее мѣсто 16-го ноября, когда все собраніе народныхъ представителей, стоя, единогласно привѣтствовало договоръ аплодисментами и криками: „Да живѣе Русия". Такой договоръ, говорилъ одинъ изъ ораторовъ собранія, могъ быть дарованъ Болгаріи только ея освободительницей Россіей. Не только матеріальныя условія займа дѣлаютъ его цѣннымъ для насъ, продолжалъ ораторъ: еще болѣе цѣннымъ въ нашихъ глазахъ дѣлаютъ его побужденія, съ которыми онъ предоставленъ намъ, тѣ самыя благородныя и высокія побужденія, которыя 32 года тому назадъ двинули храбрыя русскія войска въ бой за наше освобожденіе. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что своею великодушной братской помощью Россія вторично освободила безпокойную, съ нетерпѣніемъ торопящуюся сбросить съ себя всѣ остатки рабства Болгарію, избавивъ ее отъ возмож-

ныхъ осложненій въ связи съ сентябрьскимъ актомъ и отъ финансовыхъ затрудненій. Россіи мы обязаны тѣмъ, что въ настоящій моментъ мы дешево расплатились съ своимъ освобожденіемъ и не принесли ему въ жертву своего финансоваго и экономическаго будущаго (Тодоровъ). Болгарскій премьеръ-министръ Малиновъ при этомъ заявилъ, что безъ русской помощи Болгаріи врядъ ли удалось бы благополучно выйти изъ серьезнаго положенія, въ которое она была поставлена актомъ 22-го сентября. Софійская газета „День“ по этому поводу говоритъ: единодушное и задушевное:—да живей Русия! раздавшееся въ стѣнахъ народнаго собранія, выражаетъ собою единственное чувство, которое русско-болгарскій договоръ будитъ въ болгарскомъ народѣ—чувство новой признательности къ своей освободительницѣ, вновь великодушно проявившей неистощимую любовь къ своему дѣтищу — Болгаріи. Остается только пожелать, заключаетъ „День“, чтобы эта благородная манифестація, поднявшая Болгарію въ глазахъ всего свѣта, вызвала во всѣхъ умахъ и сердцахъ тѣ же мысли и чувства, которыми она была вызвана, и чтобы тѣмъ самымъ она способствовала установленію въ Болгаріи разъ навсегда такой системы политики, которая единственно ей прилична и которая одна только и можетъ гарантировать ея интересы и ея будущность.

Положеніе болгаръ въ Македоніи. Въ цѣляхъ охраненія народныхъ правъ болгарскаго населенія въ Македоніи и болгарской церкви въ предѣлахъ Турецкой имперіи, болгарскій экзархъ представилъ недавно турецкому правительству меморандумъ, въ которомъ выставляетъ, между прочимъ, слѣдующія требованія. Пар. 10 учредительнаго фермана даетъ право экзарху въ епархіи съ болгарскимъ населеніемъ назначать митрополита; въ настоящій моментъ изъ 21 такой епархіи въ Македоніи только семь имѣютъ болгарскаго митрополита, за остальными 14 епархіями право имѣть собственнаго митрополита пока еще не признано. Тотъ же ферманъ предусматриваетъ одинаковыя права какъ за патріархистами, такъ и за экзархистами; между тѣмъ патріархисты допускаются къ участію въ засѣданіяхъ административныхъ совѣтовъ по каазамъ и санджакамъ, въ то время, какъ экзархисты (болгары) вовсе лишены этого права. Согласно установленнымъ въ 1869 г. правиламъ, каждая религіозная община должна имѣть своего представителя въ мѣстныхъ административныхъ совѣтахъ; право это не предоставлено нынѣ болгарскимъ общинамъ, которыя остаются безъ представителей въ названныхъ совѣтахъ. Ирадэ 1894 г. даетъ экзархіи исключительное право назначать учителей въ болгарскія училища; между тѣмъ, въ дѣла экзархіи въ настоящее время вмѣшивается Санданскій, перемѣщающій и назначающій учителей по своему усмотрѣнію. Турецкое правительство продолжаетъ собирать съ болгарскаго населенія такъ называемую школьную подать, но цѣликомъ расходуетъ ее исключительно на магометанскія училища, совершенно обходя болгарскія школы. Указывая на эти крупные недочеты, болгарская экзархія проситъ младотурецкое правительство принять рѣшительныя мѣры къ ихъ устраненію.

Графъ Гаррахъ. 30-го ноября ст. ст. въ Вѣнѣ скончался на 81-мъ году отъ рожденія выдающійся по своей дѣятельности членъ чешской старинной аристократіи, графъ Янъ Непомукъ Гаррахъ, въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ оказывавшій неоцѣнимыя услуги чешскому народу въ качествѣ щедраго покровителя наукъ и искусствъ. Современникъ и соратникъ Палацкаго и Ригера, гр. Гаррахъ много сдѣлалъ также для поддержки національныхъ чешскихъ стремленій и укрѣпленія за чехами правъ въ земляхъ бывшаго чешскаго королевства. По своимъ политическимъ воззрѣніямъ Г. примыкалъ къ старочешской партіи, но за свое безкорыстное служеніе родинѣ пользовался уваженіемъ и среди другихъ чешскихъ партій. Графъ Гаррахъ родился 2-го ноября 1828 года въ Вѣнѣ, началъ службу въ гусарскомъ полку, но уже въ 1855 г. вышелъ въ отставку въ чинѣ маіора и занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ многочисленныхъ имѣній въ Чехіи, Нижней Австріи и Венгріи; онъ обратилъ также вниманіе на постановку дѣла на своемъ знаменитомъ стеклянномъ заводѣ въ Чехіи, основанномъ его предками еще въ XVII ст., и усовершенствовалъ художественную сторону обработки стекла настолько, что не имѣлъ себѣ конкуррентовъ въ цѣлой Европѣ. Г. съ теченіемъ времени удалось увеличить свои доходы, большую часть которыхъ онъ употреблялъ на поддержку различныхъ торгово-промышленныхъ, ремесленныхъ и культурно-просвѣтительныхъ учрежденій въ Чехіи. Имъ было основано школьное общество „Komensky" въ Вѣнѣ, пріобрѣтено тамъ же зданіе для чешской церкви; чешская центральная школьная матица, почетнымъ попечителемъ которой состоялъ покойный, пользовалась его широкой поддержкой; помимо того, Г. учреждалъ преміи за чешскія литературныя и музыкальныя произведенія, помогалъ литературнымъ предпріятіямъ, содѣйствовалъ постройкѣ чешскаго національнаго театра въ Прагѣ (Narodni divadlo) и т. д. Г. участвовалъ также и въ политической жизни своей родины, неоднократно избираемый членомъ мѣстнаго чешскаго сейма и рейхстага; въ послѣдніе годы онъ состоялъ почетнымъ членомъ палаты господъ въ Вѣнѣ, всегда являясь ревностнымъ защитникомъ правъ чешскаго народа. Съ 1906 г. Г. проводилъ въ чешскихъ газетахъ мысль о необходимости образованія чешской патріотической лиги и живо интересовался вопросомъ о поднятіи экономическаго благосостоянія Далмаціи, съ какою цѣлью вошелъ въ сношенія и переговоры съ видными политическими и финансовыми дѣятелями. Имя Г. пользуется почетной извѣстностью также въ чешской публицистикѣ: ему принадлежитъ „Исторія Чехіи", политическая брошюра „Das Heil Oesterreichs", и множество статей по вопросамъ экономическимъ въ журналѣ „Osvěta". Въ лицѣ Яна Непомука Гарраха сошелъ со сцены крупный государственный дѣятель, пользовавшійся большимъ уваженіемъ даже среди своихъ политическихъ противниковъ.

Германгильдъ Иречекъ. 16-го (29-го) декабря въ Чехіи скончался на 83 году отъ рожденія извѣстный чешскій историкъ Германгильдъ Иречекъ (род. въ 1827 году). Въ лицѣ его сошелъ со сцены послѣдній

изъ числа общественныхъ и политическихъ дѣятелей Чехіи 50-хъ и 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія, которые способствовали національному возрожденію и культурному росту чешскаго народа. На литературное поприще выступилъ И. съ цѣлымъ рядомъ беллетристическихъ произведеній (повѣстей и разсказовъ), которыя печатались въ журналахъ: „Квѣты", Чешка Пчела" и „Путникъ". Съ 1840 года И. поступилъ чиновникомъ въ министерство народнаго просвѣщенія, гдѣ прослужилъ 40 лѣтъ. Изъ его многочисленныхъ работъ на чешскомъ и нѣмецкомъ языкѣ пользуется извѣстностью „Славянское право въ Чехіи и Моравіи". И. состоялъ членомъ многихъ ученыхъ учрежденій и въ томъ числѣ, съ 1882 года, членомъ-корреспондентомъ по разряду политическихъ наукъ Императорской Академіи Наукъ.

Проф. К. Крумбахеръ. Въ Мюнхенѣ скоропостижно скончался на 53-мъ году отъ рожденія выдающійся знатокъ и изслѣдователь византійской литературы, проф. Карлъ Крумбахеръ (Krumbacher, род. въ 1856 г.), занимавшій каѳедру византійской и новогреческой филологіи въ мюнхенскомъ университетѣ. Съ 1892 г. Крумбахеръ издавалъ на нѣмецкомъ языкѣ повременникъ „Byzantinische Zeitschrift", составлявшій вмѣстѣ съ русскимъ „Византійскимъ Временникомъ" (изд. Импер. Ак. Наукъ) единственные въ Европѣ спеціальные органы по византологіи. Въ качествѣ приложенія къ „B. Z." Крумбахеръ издавалъ съ 1898 г. „Byzantinisches Archiv"; къ участію въ обоихъ названныхъ изданіяхъ К. привлекалъ лучшихъ византологовъ русскихъ, инославянскихъ и западно европейскихъ. Изъ трудовъ К. пользуются заслуженной извѣстностью „Geschichte der byzantinischen Literatur" (1890 г.), „Mittelgriechische Sprichwörter" (1893 г.), „Das Problem der neugriech. Schriftsprache" (1902 г.), „Miscellen zu Romanos" (1907 г.) и мн. др. Въ нынѣшнемъ году покойный выпустилъ для широкой нѣмецкой публики популярныя статьи по византологіи (Populäre Aufsätze). Крумбахеръ состоялъ съ 1894 года членомъ-корреспондентомъ по разряду историко - политическихъ наукъ Императорской Академіи Наукъ.

Иванъ Вазовъ, по сообщенію болгарскихъ газетъ, занятъ въ настоящій моментъ обработкой своего знаменитаго романа „Подъ игото" для сцены.

Библіографія.

Antonin Vorel. Naše pisně. Upravil a vydal... Obrazy malovala Z. Vorlová-Vlčková. Tiskl Ed. Kalous v Brně. 1909.

Въ настоящемъ изданіи чешскія пѣсни выходятъ въ чрезвычайно привлекательномъ видѣ, и, вдобавокъ, весьма оригинальной обработкѣ. Напечатанныя на прекрасной бумагѣ красиво и четко, въ форматѣ in folio, онѣ украшены высоко-художественными иллюстраціями, воспроизведенными по способу трехцвѣтнаго печатанія. Расположены пѣсни группами, по ихъ содержанію, словацкія и моравскія вперемежку съ чешскими. Въ видѣ вступленія помѣщена граціозная словацкая пѣсенка:

Spievej si, dievčatko,
netrat' veselosti,
ako si ne trati
trava zelenosti.

Подъ мелодіею подписанъ чешскій переводъ пѣсни, подлинный же текстъ отпечатанъ ниже отдѣльно. Далѣе идутъ циклы: „День, ночь" (подборъ. 7 пѣсенъ на эти темы); „Цвѣты, садъ, колодецъ", „Коровки, овечки"; „Кони", и т. д. Эти циклы не представляютъ собою обычной безвкусной смѣси (попурри) изъ пѣсенъ; они объединены содержаніемъ и настроеніемъ и поэтому какъ нельзя лучше пригодны для исполненія на ученическихъ утрахъ и вечерахъ.

Но самое оригинальное и, быть можетъ, самое цѣнное въ этомъ сборникѣ—это музыкальная обработка пѣсенъ. Всѣ онѣ могутъ пѣться на 1 голосъ или въ унисонъ, къ которому мѣстами присоединяется 3-голосное (изрѣдка 2-голосное) хоровое сопровожденіе (его можно и выпускать), снабжены же онѣ не обычнымъ фортепіаннымъ аккомпаниментомъ, но аккомпаниментомъ небольшого струннаго ансамбля; скрипки и альта. Вызвано это тѣмъ обстоятельствомъ, что фортепіано въ чешскихъ школахъ почти не имѣется, а гармоніумъ считается не достаточно нѣжнымъ и гибкимъ для аккомпанимента. Мысль къ подобнаго рода обработкѣ подана была чешскимъ педагогическимъ обществомъ „Наслѣдіе Коменскаго" (Dědictví Komenského), которое задалось, между прочимъ, цѣлью реформы чешскихъ школьныхъ пѣсенниковъ, въ цѣляхъ подъема эстетическаго воспитанія; еще раньше

идея эта высказана была нѣмцами на 3-мъ (гамбургскомъ) съѣздѣ по художественному воспитанію. Тамъ было высказано мнѣніе (не новое, конечно), что пѣніе въ унисонъ со скрипкою учителя не развиваетъ слуха учащихся, такъ какъ въ этомъ случаѣ дѣтскіе голоса рабски слѣдуютъ за скрипкою, и желательно поэтому, чтобы скрипка играла не мелодію, а 2-й или 3-й голосъ. На практикѣ подобнаго рода скрипичный аккомпаниментъ (въ самомъ элементарномъ видѣ) мнѣ пришлось встрѣтить впервые въ словенскомъ сборникѣ А. Коси („Šopek šolskih pesni". 1906), который оговариваетъ въ предисловіи, что въ первой части его сборника второй голосъ часто нѣсколько болѣе украшенъ фигурами („figuriran"), чѣмъ во второй части, именно потому, что онъ предназначенъ не для учащихся, а для скрипки учителя.

Что касается вопроса о томъ, насколько художественна музыкальная обработка пѣсенъ Вореля, то здѣсь я могу сослаться на мнѣніе специалиста, чеха Конрада Поспишиля, который, въ журналѣ „Pedagogické Rozhledy", высказываетъ, что идею скрипичнаго аккомпанимента Ворель выполнилъ съ такимъ искусствомъ, передъ которымъ можно только преклониться съ радостнымъ изумленіемъ. Правда, этотъ аккомпаниментъ не легокъ (хотя и не слишкомъ труденъ), но кто взялся учить пѣнію—такъ развей сначала собственный голосъ, хочешь аккомпанировать — такъ научись играть такъ, чтобы твой аккомпаниментъ служилъ достойною рамкою композиціи и слился съ ея душою. Учащіеся также должны сначала твердо разучить пѣсню, а потомъ ужъ пѣть ее съ аккомпаниментомъ.

Пѣсни Вореля выходятъ выпусками; пока вышли три выпуска, содержащіе въ себѣ 116 пѣсенъ (на 120 страницахъ). Кромѣ того, къ каждому выпуску приложены примѣчанія, касающіяся какъ текста, такъ и мелодіи пѣсенъ. Цѣна сборника въ книжныхъ магазинахъ не дешева: вышедшіе три выпуска стоятъ безъ пересылки 11 кронъ 40 геллеровъ, по подпискѣ же для членовъ общества „Наслѣдіе Коменскаго" подписная цѣна всего изданія (6—8 выпусковъ) назначена всего въ 7 кронъ.

Нельзя не пожелать, чтобы и въ Россіи школьное пѣніе было реформировано въ цѣляхъ повышенія эстетическаго развитія. И у насъ многое дѣлается въ этомъ отношеніи, но безъ опредѣленнаго плана и, такъ сказать, ощупью; во всякомъ случаѣ, лишь въ одномъ направленіи: повышеніи качествъ сборниковъ для пѣнія съ фортепіаннымъ аккомпаниментомъ; но и у насъ вѣдь, какъ и заграницею, фортепіано въ школахъ не имѣется, и для народныхъ школъ дѣлается пока очень мало. Идея скрипичнаго аккомпанимента, можетъ быть, заслуживаетъ быть пересаженною и на нашу почву. Впрочемъ, это дѣло специалистовъ.

Н. Бахтинъ.

Записки отдѣленія русской и славянской археологіи Императорскаго русскаго археологическаго общества. Томъ VIII. Выпускъ второй подъ редакціей управляющаго отдѣленіемъ С. Ѳ. Платонова. Съ таблицами и рисунками въ текстѣ. Спб. 1909 г. Стр. 294. Ц. 2 р. 50 к.

Записки восточнаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества. Основаны бар. В. Р. Розеномъ. Томъ XVIII, вып. IV, томъ XIX, вып. I и приложеніе къ XVIII тому. Спб. 1909 г.

Записки нумизматическаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества, издаваемыя подъ редакціей М. Г. Деммени. Томъ I, вып. 2—3, съ портретомъ, таблицами и рисунками въ текстѣ. Спб. 1909 г. Стр. 176. Цѣна 2 р. 50 к.

Διονυσιου του εκ Φουρνα Ερμηνεια της ζωγραφικης τεχνης και αι κυριαι αυτης ανεκδοτοι πηγαι, εκδιδομενη μετα προλογου νυν το πρωτον πληρις κατα το πρωτοτυπον αυτης κειμενον υπο Α. Παπαδοπουλου Κεραμεως δαπαναις της Αυτοκρατορικης Ρωσικης Αρχαιολογικης Εταιρειας. Εν Πετρουπολει 1909. Діонисія изъ Фурны руководство къ христіанской иконописи, снабженное неизданными главнѣйшими его источниками. Издано съ предисловіемъ, въ первый разъ полностью, по автентичной рукописи, А. Пападопуло-Керамевсомъ.

Въ теченіе 1909 года Императорское русское археологическое общество издало пять названныхъ выше томовъ своихъ трудовъ. Въ VIII-й томъ записокъ отдѣленія русской и славянской археологіи вошли двѣ статьи С. Гамченко объ открытыхъ имъ, описанныхъ и обслѣдованныхъ курганахъ на Сестрорѣцкомъ побережьѣ Финскаго залива, дающихъ полное представленіе о двухъ типахъ погребенія древнѣйшаго населенія данной мѣстности. Въ томъ же томѣ помѣщено продолженіе цѣннаго изслѣдованія Н. И. Привалова о музыкальныхъ духовыхъ инструментахъ русскаго народа („Свистящіе инструменты. Очеркъ исторіи флейтъ“), а также протоколы засѣданій отдѣленія за 1907 годъ.

Въ двухъ выпускахъ XVIII и XIX тома записокъ восточнаго отдѣленія общества напечатанъ рядъ цѣнныхъ статей и замѣтокъ по восточной археологіи, литературѣ и языкамъ. Заслуживающія быть отмѣченными статьи: Т. Тороманяна и Н. Марра о древнѣйшей архитектурѣ эчміадзинскаго храма (т. XIX), В. В. Бартольда о восточныхъ рукописяхъ въ библіотекахъ Константинополя и Каира (т. XVIII), К. Иностранцева о значеніи слова „басма“ (по соображеніямъ автора статьи, вѣрительная дощечка „пайзе“, выдававшаяся ханами въ различныхъ цѣляхъ, т. XVIII), А. Самойловича: „Два отрывка изъ хивинской поэмы „хорезмъ-намэ“, по поводу поселенія русскихъ въ Хивѣ въ 1873 г. и др. Приложеніе къ XVIII тому заключаетъ въ себѣ обстоятельную біографію бар. В. Р. Розена, оцѣнку его ученой дѣятельности и подробный списокъ трудовъ извѣстнаго русскаго оріенталиста.

Во 2-мъ и 3-мъ выпускахъ перваго тома записокъ нумизматическаго отдѣленія общества опубликованы изслѣдованія и цѣнныя статьи М. Г. Деммени о чеканкѣ „сѣвскихъ чеховъ“ (малороссійскихъ монетъ), А. К. Маркова о кладѣ куѳическихъ (персидскихъ) монетъ, найденныхъ въ 1905 г. въ Казанской губерніи, А. К. Маркова о чисткѣ древнихъ монетъ и мн. др. Въ томъ же выпускѣ помѣщена біографія Х. Х. Гиля и протоколы засѣданій нумизматическаго отдѣленія за 1906—1908 гг.

Лекторъ ново-греческаго языка и литературы въ с.-петербургскомъ университетѣ г. Пападопуло-Карамевсъ издалъ на средства археологическаго общества извѣстное сочиненіе византійскаго иконографа Діонисія изъ Фурны. Изданіе снабжено пространнымъ предисловіемъ и примѣчаніями на ново-греческомъ языкѣ, а также обстоятельными указателями. „Ерминія или наставленіе въ живописномъ искусствѣ, составленное іеромонахомъ и живописцемъ Діонисіемъ фурно-аграфіотомъ", было давно извѣстно у насъ и на западѣ, но по очень плохимъ спискамъ; помимо того у русскихъ и европейскихъ ученыхъ возникало сомнѣніе о принадлежности этого сочиненія іеромонаху Діонисію. Г. Пападопуло-Керамевсъ впервые издаетъ полностью текстъ „Ерминіи" по хорошимъ рукописямъ и устанавливаетъ, на основаніи точныхъ научныхъ данныхъ, что авторомъ ея былъ византійскій иконописецъ іеромонахъ Діонисій изъ Фурны. Нельзя не пожалѣть, что весьма важная часть работы г. Пападопуло-Керамевса, именно ученое предисловіе, написано на языкѣ, не пользующемся широкимъ распространеніемъ.

В. К-въ.

R. F. Magjer. Prijegled hrvatrskih pedagoških časopisa u god. 1908. Ponatisnjeno iz „Pedagoškega Letopisa" „Slov. Šol. Matice" zvezek VIII. V Ljubljani 1908. (Стран. 15).

Хорватскій писатель Рудольфъ Франьинъ Мадьеръ, помимо беллетрическихъ сочиненій, пишетъ и педагогическія статьи; такъ, напримѣръ, въ седьмомъ выпускѣ словенской „Педагогической Лѣтописи" онъ знакомитъ словенцевъ съ новѣйшею хорватскою литературою для дѣтей; въ восьмомъ выпускѣ онъ пишетъ выше названный „Обзоръ хорватскихъ педагогическихъ журналовъ за 1908 г.". Заглавіе не вполнѣ точно: Мадьеръ обозрѣвалъ лишь тѣ изъ журналовъ, которые предназначены для народныхъ учителей; помимо послѣднихъ, у хорватовъ имѣется одинъ журналъ, посвященный учителямъ средней школы („Nastavni Vjesnik"), и еще одинъ, предназначенный для родителей и также имѣющій отчасти педагогическій характеръ („Roditelski List").

Для народныхъ учителей у хорватовъ выходило въ 1908 г. всего 9 журналовъ; большинство очень дешевыхъ по цѣнѣ (по 4 кроны), только 3 изъ нихъ дороже этой суммы (5 кр., 6 кр. и „Napredak" 10 кр.). Два журнала выходятъ дважды въ мѣсяцъ, всѣ остальные ежемѣсячно [1]. Объемъ всѣхъ ихъ невеликъ—отъ 8 до 16 страницъ въ номерѣ, только „Napredak" имѣетъ 48 стр., да еще оффиціальный журналъ, издающійся уже 15-й годъ въ Боснѣ и Герцеговинѣ („Školski Vjesnik"), при минимальной цѣнѣ (4 кр.), даетъ 64—80 стр. ежемѣсячно. Что касается продолжительности ихъ существованія, то „Napredak" выходитъ уже 49-й годъ (въ Загребѣ), „Škola"—19-й годъ (тамъ же), клерикальный журналъ въ строго католическомъ духѣ „Kršćanska Škola"—

[1] „Napredak" раньше (до 1908 г.) выходилъ еженедѣльно.

11-й годъ (тамъ же), далматинскій „Učitelski Glas“—10-й годъ, остальные выходятъ недавно (3-й, 4-й годъ и два только что возникли).

Что касается характеристики журналовъ, то Мадьеръ, стѣсненный мѣстомъ, даетъ ее лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, по большей части не называя и не реферируя ни одной статьи, а только перечисляя болѣе выдающихся сотрудниковъ каждаго журнала и прилагая въ выноскахъ краткія свѣдѣнія объ ихъ литературной и педагогической дѣятельности. Повидимому, самыми интересными изъ хорватскихъ писателей-педагоговъ являются Степанъ Басаричекъ (род. въ 1848 г.) и въ особенности Даворинъ Трстенякъ (род. въ 1848 г.). Изъ журналовъ самымъ интереснымъ является старѣйшій изъ нихъ „Napredak“, дающій мѣсто всѣмъ теченіямъ педагогіи и поставившій конечною цѣлью непрерывнаго прогресса хорватскаго учительства „свободную“ школу и свободное учительство. „Škola“ также ведется въ прогрессивномъ духѣ. „Preporod“ даетъ обзоръ около 70 выдающихся журналовъ всего свѣта, посвящая особенное вниманіе эстетическому воспитанію. Всѣ эти журналы выходятъ въ Загребѣ. Далмація имѣетъ два собственныхъ органа („Učiteljski Glas“ и „Novo Vrieme“; послѣдній издается латиницею и кириллицею и стоитъ за тѣснѣйшую связь между хорватами и сербами), маленькая Истра—одинъ („Narodna Prosvjeta“); въ Боснѣ и Герцеговинѣ, кромѣ прекрасно поставленнаго оффиціальнаго органа (Školski Vjesnik“), издается и частный — „Učiteljska Zora“, выходящій, къ сожалѣнію, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, не всегда аккуратно. Таково вкратцѣ содержаніе полезнаго обзора Р. Ф. Мадьера.

Н. Бахтинъ.

Обзоръ славянскихъ журналовъ.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Виходить у Львові під ред. Мих. Грушевського. Р. 1909 г., кн. V. Въ пятой книжкѣ „З. Н. Т.“ за 1909 годъ помѣщены слѣдующія статьи: 1) М. Грушевскаго: Гетманское гнѣздо: „Урочища і перекази села Суботова“, собранныя въ 1897—9 г.; 2) И. Кревецкаго: Галиція во второй половинѣ XVIII ст.; 3) В. Гнатюка: Хоценскій пѣсенникъ Левицкихъ; 4) М. Возняка: Этюды о галицко-украинскихъ грамматикахъ XIX н.; 5) Ю. Кмита: Къ исторіи русской дух. семинаріи въ Львовѣ, 1837—1851 г.; 6) Мелкія замѣтки: Развалины Галича, букварь Іос. Лозинскаго (1838 г.) и др.; 6) Обзоръ журналовъ за 1908 г.; 7) Обстоятельный библіографическій отдѣлъ.

Минало. Българско-Македонско Научно Списание. Редакторъ Г. Д. Баласчевъ. София, Год. I, кн. 3. Въ третьемъ выпускѣ цѣннаго болгарскаго историческаго журнала „М.“ напечатаны слѣдующія статьи: Г. Д. Баласчева: 1) Древне-болгарскія надписи на камняхъ, эпохи великаго хана Омортага; 2) Болгарская скоропись X—XIX в. и образцы

ея; 3) Государственное и военное устройство древне-болгарскаго царства; Д. Ихчіева: Турецкіе вакуфы въ болгарскомъ царствѣ и документы о нихъ; Г. И. Кацарова: Этнографическое положеніе старыхъ македонцевъ; В. Хранова: Лѣсковскій революціонный комитетъ и окружное посланіе ц. бухарестскаго комитета (1871 г.); Копія съ фресокъ Боянской церкви св. Николая: древне-болгарскіе бояры (въ краскахъ).

Периодическо Списание на Българското Книжовно Дружество въ София. LXX (Год. XXI). 5—6 свезка, 1909. Въ 5—6 выпускѣ „П. С." (за 1909 годъ помѣщены слѣдующія статьи: 1) К. Н. Михайловскаго. Наблюденія надъ физическимъ развитіемъ солдатъ 16-го Ловченскаго полка, наб. 1898—1907 г.; Т. Атанасова. Очеркъ исторіи болгарскаго театра; Ө. Шмита: Памятники болгарской старины. Мелкія сообщенія: Изъ архива графа Н. П. Игнатьева (Записка мин. иностр. дѣлъ Императору Николаю I, 1829 г.), Цинцарскіе (аромунскіе) писатели XVIII ст.; къ вопросу о походѣ Александра Великаго на Дунай.

Лѣтописъ на Българското Книжново Дружество въ София. IX, 1908. Въ „Л." Болгарскаго литературнаго общества помѣщенъ отчетъ о дѣятельности Общества за 1908 годъ, его уставъ, свѣдѣнія о составѣ и т. д. Кромѣ того, въ томъ же выпускѣ помѣщенъ докладъ Б. Цонева: „Тысячелѣтіе болгарскаго языка" и некрологи: графа Н. П. Игнатьева, Ватр. Богишича и Н. Д. Селвели (болг. юристъ).

Българска Сбирка. Излазя подъ редакцията на Ст. С. Бобчевъ. София, XVI, 10, 1909. Въ послѣдней книжкѣ „Б. С." за 1909 годъ помѣщены статьи: 1) С. С. Бобчева. Историческіе труды М. Дринова; 2) И. Гологанова: Сербская политика въ Македоніи; 3) Т. Панчева. Матеріалы по болгарскому возрожденію (1855—56 г.); стихотворенія Хр. Ц. Борины („Тропари"), разсказы М. Москова („Лозицата") и И. Смерча (Послѣдняя пѣсень) и др.

Swiat Słowiański. Miesięcznik pod redakcyą D-ra Feliksa Konecznego. Kraków. N. 59, Listopad 1909. Въ 59 выпускѣ „Sw. Sl." напечатаны статьи: 1) С. Е.: Автономныя стремленія народностей въ западной части Русской имперіи; 2) T. S. Grabowski: Изъ историческихъ трудовъ И. Войновича; 3) E. Kolodziejczyk: Изъ исторіи славянофильства въ Польшѣ (1595, 1597 и 1733 г.) и др.

Редакторъ **В. Н. Кораблевъ**. Типографія В. Д. Смирнова.

СОДЕРЖАНІЕ

книжекъ 1—8 за 1909 годъ.

I. Статьи по археологіи, исторіи и этнографіи.

II. Статьи по литературѣ.

III. Статьи публицистическаго характера.

IV. Обозрѣніе славянской жизни.

V. Переводы изъ славянскихъ поэтовъ.

VI. Некрологи.

VII. Юбилеи и годовщины.

VIII. Библіографія.

IX. Смѣсь.

Korrespondence a zapisky Frant. Ladislava Čelakovského. Vydal Frant. Bily. I. Sešit 2 a 3.

Mistra Jakuba ze Stribra Preklad Viklefova Dialogu. Z rukopisu knihovny Muzea Kral. Českého. K tisku upravil Mil. Svoboda.

Korrespondence Josefa Dobrovského. Dil III. Vzajemne dopisy Josefa Val. Zlobického z let 1781—1807. K vydani upravil Adolf Patera.

Karla Aloisa Vinarického korrespondence a spisy pamětni. K tisku upravil Vacl. Otakar Slavik. Dil II, šes. 1. Korrpes. od roku 1833—1849.

Remeslnictvo a živnosti XVI věku v Čechach. (1526—1620). Sepsal Zikmund Winter.

Filosofické Spisy Vincence Zahradnika. Dil II.

Въ книжномъ складѣ Спб. Славянскаго Общества (Звенигородская, 24) продаются

СЛОВАРИ:

Словенско (словацко)-русскій словарь съ краткой грамматикой словацкаго языка (Slovenško-ruský slovnik a skrátena mluvnica slovenského jazyka). Составилъ Л. А. Мичатекъ. Turč. Sv. Martin 1900, стр. (V+332+15. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Словинско-русскій словарь съ краткой грамматикой словинскаго языка (Slovensko-ruski slovar in slovnica slovenkego jezika) составилъ М. Хостникъ. Горица, 1901, стр. XV+377+279. Цѣна 1 руб. 50 к.

Чешско-русскій словарь съ краткой грамматикой чешскаго языка (Česko-ruský slovnik). Составилъ I. В. Ранкъ. Прага 1902, стр. 874+30. Цѣна 12 кронъ = 4 р. 80 к., а для членовъ славянскаго общества и **для учащихся—3 руб.**

Русско-словинскій словарь (Rusko-slovenski slovar in kratka slovnica ruskego jezika). Составилъ М. М. Хостникъ. V Gorici 1897, стр. X+365+85. Цѣна 1 р. 50 к.

Русско-словенскій (словацкій) словарь (Rusko-slovensky slovnik). Составилъ Л. А. Мичатекъ. Turč. Sv. Martin 1892, стр. V+366+34. Цѣна 1 р. 50 к.

Русско-сербскій словарь. Составилъ П. А. Лавровскій. Спб. 1880, стр. II+578. Цѣна 2 руб.

Сербско-хорватско-русскій словарь. Составилъ Л. А. Мичатекъ. Спб. 1903 г., стр. 727+58, цѣна 2 руб. 50 коп.

Для Гг. Членовъ Славянскаго Общества, для духовенства и для учащихся—скидка на всѣ изданія Славянскаго Общества 30%.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

съ января мѣсяца на 1910 г.

НА

„СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ".

Журналъ выходитъ восемь разъ въ годъ, въ послѣднихъ числахъ каждаго мѣсяца, книжками не менѣе 4 печатныхъ листовъ.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПЕЧАТАЮТСЯ: научно-популярныя статьи по исторіи, литературѣ, церковной жизни, этнографіи славянъ; статьи и извѣстія, касающіяся современной политической и культурной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ; письма и корреспонденціи изъ славянскихъ земель; библіографическіе отчеты о выдающихся книгахъ по всѣмъ вопросамъ славяновѣдѣнія; переводы лучшихъ произведеній славянскихъ писателей; отчеты о дѣятельности С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго Общества и объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Н. Н. Бахтинъ (Новичъ), *А. А. Башмаковъ, К. Д. Бербенко* (Софія), *Л. Л. Васильевъ, И. Я. Вацликъ, О. Вильчинскій, Н. Н. Виноградовъ, М. В. Войцеховичъ, прив.-доц. Э. А. Вольтеръ, М. Геновъ* (Софія), *проф. К. Я. Гротъ, проф. П. А. Гейсманъ, Н. С. Державинъ, П. Д. Драгановъ, А. Ф. Ерковичъ* (Боснія), *проф. П. А. Заболотскій, проф. В. Н. Златарскій* (Софія), *А. А. Кирьевъ, В. Н. Кораблевъ, В. А. Кракау, проф. П. А. Кулаковскій А. Л. Липовскій, Л. П. Лобовъ, В. А. Лугаковскій, Э. Э. Лямбекъ, Н. В. Макридинъ, Д. А. Марковъ, А. Ф. Музыченко, д-ръ Э. Ю. Мука (В. и Н. Лужицы), проф. Вл. И. Никольскій, Н. Р. Овсяный, проф. М. П. Павловичъ* (Бѣлградъ), *проф. И. С. Пальмовъ, Э. Поточнякъ* (Загребъ), *прив.-доц. М. А. Поліевктовъ, П. Д. Паренсовъ, д-ръ Ив. Пріятель* (Вѣна), *А. С. Радичъ* (Загребъ), *П. А. Ровинскій, Св. Ст. Симичъ* (Бѣлградъ), *А. Н. Сиротининъ, акад. А. И. Соболевскій, А. П. Соловьевичъ, д-ръ Ст. Станоевичъ* (Бѣлградъ), *прив.-доц. А. І. Степовичъ, П. С. Талетовъ* (Бѣлградъ), *бар. М. Ф. Траубе, проф. И. П. Филевичъ, С. В. Штейнъ, Ю. А. Яворскій и многіе другіе.*

Подписная цѣна: на годъ съ доставкою и пересылкою для городскихъ подписчиковъ **3** руб., для иногородныхъ **3** р. **50** к. и заграницу **4** р. Цѣна за отдѣльную книжку **50** к.

О всѣхъ новыхъ книгахъ по славяновѣдѣнію, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются извѣщенія или помѣщаются рецензіи.

Рукописи съ неоплаченными почтовыми расходами не возвращаются. Комплекты журн. за 190$^{2}/_{3}$, 190$^{3}/_{4}$, 190$^{4}/_{5}$, 1906, 1907 и 1908 г. высыл. за 3 руб.

Всѣ статьи, корреспонденція и вся переписка съ редакціей адресуются: **С.-Петербургъ, въ редакцію „СЛАВЯНСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ". Пушкинская, д. 9, кв. 40.**

Подписка принимается: въ помѣщеніи Славянскаго благотворительнаго Общества, СПБ. Звенигородская, 24, куда и слѣдуетъ направлять денежную корреспонденцію.

Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Пушкинская, д. 9, кв. 40. Телефонъ 325—16.

Редакторъ *В. Н. Кораблевъ.*

